

A vertical illustration of a futuristic, cyberpunk city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon lights in shades of blue, purple, and orange. A lone figure in a dark coat and hooded jacket stands in the center of the street, looking towards a bright light source at the far end. The street is wet and reflective, mirroring the ambient light. The overall atmosphere is mysterious and cinematic.

Последний президент

Голицын Михаил

Михаил Голицын

Последний президент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69555589

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир столкнулся с эпидемией чумы, уже, казалось бы, забытой болезнью, но вот новая её форма не поддаётся традиционному лечению. Россия усилиями своего президента сумела дольше всех не пускать болезнь на свою территорию, но... В центре событий Михаил Голицын, последний президент России, которому предстоит не только бороться с изменившимися обстоятельствами, но и создавать новую жизнь на истощённых землях страны, в которой он ещё недавно был первым лицом.

Михаил Голицын

Последний президент

1.

Через прикрытые шторы всё равно в комнату проникает свет, сама комната освещена только настольной электрической лампой, стилизованной под старину. На большом, громоздком столе кроме лампы ещё разложены аккуратные пачки документы, стоит кружка с кофе, рядом с которой небрежно брошена чайная ложка. Сам же хозяин этого кабинета откинулся на спинку массивного кресла, оббитого тёмно-синей тканью и внимательно смотрит в планшет. Высокий спортивный, с проседью в волосах, с лицом, на котором залегли морщины, внимательный взгляд глаз – хозяин кабинета производил впечатление постаревшего спортсмена, уставшего тренера, но никак не политика.

Он перелистнул страницу в планшете и на экране возникла его фотография с подписью ниже «Империя Голицына». Он пролистал ниже, к началу статьи.

«Человек, изменивший Россию, теперь хочет изменить мир. Внешняя политика России становится агрессивной и опасной для всего Запада, она уже нанесла экономический ущерб ряду европейских стран, и теперь двуглавый орёл управляет свои крылья.

Большой политике Михаил Голицын стал известен ещё в

2020 году, когда из никому неизвестного сотрудника министерства иностранных дел сделали помощником министра. А через год он уже участвовал в урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном. Предложив самый оптимальный план решения этой проблемы, он привлёк к себе ещё больше внимания. И следующим его шагом стала Сербия, где опять разгорелась гражданская война в Косово. Там он смог найти компромисс между враждующими силами, при этом России выступила не только гарантом перемирия, но и заключила с обеими сторонами выгодные для себя контракты. Уже в сорок лет он сменил на своём посту министра. И за время, что занимал эту должность успел добиться для России закрепления в Мировом обществе в качестве сильного партнёра, с которым стали считаться. А потом он совсем неожиданно решил баллотироваться в президенты. И хотя правящий президент пользовался поддержкой населения, Голицын неожиданно выиграл выборы и в 45 лет стал президентом. Однозначным эту победу назвать трудно, часто появлялись в обществе мнения, что его выдвинула правящая элита, желающая прибрать к своим рукам как можно больше ресурсов России. И первый год его правления отличался от предыдущего правителя только тем, что увеличилась численность армии, а силовым ведомствам, действовавшим внутри страны, он расширил полномочия и дал больше прав. А вот проведённый на следующий год референдум, ставящий перед собой целью национализацию экономики,

был принят населением положительно, а вот «правлящая элита» была настроена диаметрально противоположно. Но сделать они ничего не успели – силовые ведомства прямо в новогодние праздники нагрянули с обысками в основные корпорации, счета и имущество были арестованы. Те, кто находился в стране были заключены под стражу, а кто был за границей в миг лишились всех своих активов, расположенных в стране. Эти действия были активно поддержаны населением, уставшим от богатства единиц. Начавшаяся политика национализации продолжилась до конца года. В результате чего государству отошли все крупные отрасли бизнеса, средний же и малый остался у населения. Так Голицын положил начало своей империи, империи, в которой кроме него не было других правителей. Но зато были преданные спецслужбы, которые за следующие пять лет нашли методы воздействия на всех беглых олигархов, часть из которых окончила свой жизненный путь, а другая, не желая следовать их примеру, перевела три четверти всех своих средств обратно в Россию. Сам же Голицын за это время активно изменял образ жизни страны, всё больше приближая её к Советскому Союзу 70-х годов XX века. Как оказалось, большая часть населения поддержала новую экономическую стратегию, политику занятости, перераспределения доходов и равенство. При всем этом полиция и спецслужбы активно вели работу по выявлению оппозиционеров, резидентов и всех недовольных. Военная мощь страны выросла в разы, то что

не могли сделать предыдущие правители Михаил Голицын сделал за шесть лет – теперь граница России, не просто черта на карте, а укрепление, полностью перекрытое новейшим вооружением, и ставшее надежнее, чем стена между США и Мексикой. Военная мощь России стала впечатлять и в мире стал создаваться второй оплот мощи. Мир разделился на две части: США и её коалиция и России, со своими сторонниками. В отличие от блока НАТО, Россия не стала создавать какие-то официальные объединения, по всей видимости, не желая нести ненужные ей обязательства и денежные взносы, но экономику зависимых от неё стран плотно привязала к себе, обеспечив эти отношения золотым запасом. Доллар и евро навсегда ушли из договоров, теперь расчёт был только в драгоценных металлах.

Господин Голицын изменил и внутреннюю, и внешнюю политику страны, заставив соблюдать законы своих граждан и стал диктовать условия другим странам. При этом внутренняя политика стала максимально приближена к социализму, но сохранила средний и малый бизнес. А внешняя политика диктовалась с позиции силы и экономической зависимости. Россия теперь не старший брат для своих стран, а господин, диктующий им правила жизни, а народ России уже позабыл что такое демократия и свобода слова.

Что же ждать от господина Голицына в ближайшем будущем? На этот вопрос пока нет ответа, но ясно одно – Россия стала опасна для Запада как никогда».

Голицын положил планшет обратно на стол, взял кофе и сделал глоток уже остывшего напитка. Он любил горячий, почти кипяток. Тогда этот напиток пробуждал в нём энергию, наполнялся вкусом, а не горечью. Он поставил кружку на стол и встал. В это время в дверь негромко постучали и в кабинет вошёл маленького роста мужчина, полноватый с редкими седыми волосами, одетый в серый костюм.

– Вы уже прочитали статью Михаил Владимирович? – Обратился он к Голицыну.

– Да. – Ответил тот. – И в этот раз они точно описали всё происходящее, мне даже кажется, что сами себя напугали больше, чем укусили меня. Я то и сам знаю, что власть не даётся без крови и пота, да и государственная система, выстроенная в России, доказала это. Но как иначе? Как иначе, дорогой мой, можно навести в России порядок? Я отвечу – никак. Нет другого пути, демократия дала кучу вольностей людям, развелось преступников, государственных воров, откаты и куча всего. И кто это контролировал? Правительство? Нет! Никто и никогда не смог бы контролировать воровство и беззаконье. И кому от этой демократии лучше жилось? Двум-трём сотням богачей. А сейчас? Сейчас наши люди живут с уверенностью в завтрашнем дне, с социальными гарантиями, с официальной оплачиваемой работой, без задержек зарплаты, без очередей в больницах и госучреждениях, без страха. И это всё наша заслуга. Мы сумели взять у демократии её технологии и соединить их с нашим бытом.

Вот так, дорогой мой Валентин Михайлович, вот так. Если бы я не знал, что этот журналист ярый русофоб, то решил бы, что его наняла наша разведка, чтобы запугать Запад.

Голицын рассмеялся. Он знал, что сейчас строится новая Россия, которая станет диктовать условия и Штатам, и всей Европе. Золото – вот основной залог успеха. Доллары и Евро можно напечатать, а вот драгоценные металлы из бумаги не сделаешь и рано или поздно из недр Земли извлекут их все и тот, у кого будет их больше, будет диктовать условия. Это понимали и другие, но вот к началу гонки не успели. Поэтому и увеличила Россия свою армию, чтобы защитить своё имущество, поэтому и укрепила границы стеной с дотами и укрепительными учреждениями, увеличила количество кораблей и субмарин, вывела на орбиту новые боевые спутники-шпионы и развернула самую масштабную систему ПВО.

– Извини, Валентин Михайлович, я увлекся своей речью, что нового на международной арене принёс нам этот день? – Спросил Голицын.

– Катастрофического ничего, как всегда Запад нагнетает негативное общественное мнение о нас, провоцирует на границе в районе Сахалина, направляет свои беспилотники-разведчики максимально близко к нашей границе. – Валентин Михайлович развёл руками, показывая, что и доложить то больше нечего.

– В конце прошлой недели была информация о том, что в Индии выявлена вспышка чумы. Помнишь? Что там сей-

час? Что наши источники говорят? – Голицын пристально посмотрел на собеседника.

– Я поставил задачу нашему посольству в Нью-Дели, на сегодняшний день мало что известно. Правительство Индии скрывает настоящие данные по этой проблеме. Всё что нашим сотрудникам удалось узнать на сегодняшний день, это то, что около полутора месяца назад в штате Махараштра впервые зафиксированы случаи бубонной чумы среди людей, и спустя неделю первые данные о лёгочной чуме. Пока сложно говорить о мерах, предпринимаемых индийским правительством в отношении болезни, но количество заболевших не разглашается, что наталкивает на размышления... но в то же время и карантин они не вводят, хотя отмечается отток населения из этого штата на Запад.

– Как думаешь, почему скрывают?

– Мнение наших аналитиков, да и моё тоже – бояться спада в импорте товара.

Голицын утвердительно кивнул головой. Он и сам понимал, чем может обернуться огласка такого для экономики. Поэтому и стремятся страны скрыть ситуацию в надежде самим побороть болезни, чтобы не нанести удар по экономике.

– Валентин Михайлович, ты держи эту проблему на контроле. Если там локальные вспышки, то и сами справятся, если же всё значительно хуже, мы должны знать и понимать всё. Чума – не простуда, и даже не грипп. Не хотелось бы получить на нашей земле эту заразу.

– Понимаю. Всё будет исполнено. – Кивнул головой Валентин Михайлович. И, не спрашивая разрешения, вышел из кабинета.

Он был одним из тех людей, которые шли с Голицыным рядом с самого начала его пути, по сути со студенческой скамьи, поэтому ему позволялось больше чем кому-либо не было. Да и доверия к нему было по сути безгранично со стороны правителя. Были конечно и другие преданные соратники, но они были именно соратники, а он был другом, коллегой, советником и доверенным лицом Голицына.

После того как Голицын остался один в кабинете, он сел на диван, взяв в руки старую игрушку кубик-рубик, странную игрушку из детства, которую дарили не понятно зачем детям. За всю свою жизнь он ни разу так и не смог его собрать. Зачем хранил и где он его взял Голицын не помнил, но и выбросить его рука не поднималась. Странная, ненужная безделушка, совершенно ненужная, но какая-то родная. Новая неделя первого осеннего месяца. Новые проблемы, новые победы, новые испытания.

2.

Прошло две недели с той беседы.

В кабинет к Голицыну вошёл Валентин Михайлович, вместе с которым шёл крупный мужчина, с большим прямоугольным лицом, густой зачесанной назад седой шевелюрой, с большими как у боксёра кулаками. Голицын жестом пока-

зал им сесть за стол перед ним.

– Михаил Владимирович, – начал Валентин Михайлович, – есть прояснения с чумой в Индии, но я не совсем владею пониманием, поэтому Сергей Анатольевич, – он указал кивком головы на пришедшего с ним мужчину, – пояснит более подробно.

– Что же там случилось, Сергей Анатольевич, – обратился Голицын, – что нам ждать?

– Михаил Владимирович, я постараюсь максимально детально понятным языком осветить этот вопрос. Исходя из тех сведений, которые получили наши сотрудники в посольстве в Индии, я могу сделать вывод, что ситуация вышла из-под контроля как минимум в восьми штатах. Первоначально власти или скрывали проблему, или не придали ей должного значения. А сама проблема образовалась не два месяца назад, а ещё раньше – в марте. Тогда появились первые сведения о массовых падениях грызунов, но этому не предали значения и мёртвых грызунов просто бросали на улице или на свалках. Потом появились первые заболевшие бубонной чумой. Но так как Индия не так давно – в двадцатом веке, сталкивалась с этой проблемой и удачно преодолела её, то и в этот раз решили эту проблему устранить так же. Но есть одна беда в Индии – здравоохранение. Свободный доступ к большинству лекарств, в том числе и к антибиотикам, которыми и достигается выздоровление, плюс к тому гигиена и плотность населения... В общем в этот раз возбудитель из-

менился, так сказать мутировал, выработав в себе защитную реакцию к антибиотикам. В результате чего чумная палочка не погибла, а бубонная чума сменилась лёгочной. Дело в том, что, когда правительство столкнулось с тем, что уже не один штат, а ещё три соседних с ним зафиксировали смерти от лёгочной чумы, все сведения сразу же стали закрытыми. Правительство ошиблось. Вместо карантина и изоляции, они выбрали политику молчания. Старались самостоятельно выявить и изолировать больных. Но тщетно в стране, где каждый лечится сам, не посещая врачей. В общем на сегодняшний день ситуация такова, что вылечить от неё не получается. Все заболевшие умирают. Погребальные ритуалы в геометрической прогрессии плодят болезнь. Сейчас никто не может сказать куда и как распространяется болезнь. Оман, ОАЭ и Саудовская Аравия уже закрыли границы для жителей Индии. Но никакие сведения о болезни они не предоставляют, ну по крайней мере нам. Вы спрашивали, что нас ждёт. Я считаю, что месяц-два и у нас появятся первые заразившиеся лёгочной чумой.

Голицын молча смотрел на стол. То, что он услышал было шоком. Индия хоть и не была стратегическим партнёром России, но её экономика была связана с рядом стран, с которыми взаимодействовала и Россия. Теперь стоял вопрос: что делать? К счастью не нужно было отвечать на второй извечный русский вопрос: кто виноват.

– Я правильно вас понял, Сергей Анатольевич, – медлен-

но проговорил Голицын, – у нас есть месяц, максимум, чтобы предотвратить попадание чумы в Россию.

– На сто процентов мы не сможем закрыть Россию от чумы. Это невозможно, но мы можем минимизировать потери, отодвинув на максимум попадание чумы внутрь страны.

– Но это даст нам возможность искать пути решения этой проблемы. – Заключил Голицын. – Я понял, спасибо, Сергей Анатольевич, мне нужно многое обдумать.

Вечер того же дня.

За столом в кабинете Голицына по мимо его самого был Валентин Михайлович, министр обороны, министр здравоохранения, министр экономики и министр иностранных дел.

– Ситуация, с которой мы столкнулись, – начал разговор Голицын, – очень и очень неоднозначна и прецедентов не имеет. В Индии свирепствует лёгочная чума, мутирующая и пока не поддающаяся лечению. Смертность почти сто процентная. Но правительство Индии молчит. Тем не менее Саудовская Аравия, Эмираты и Оман закрыли свои границы для Индии. По оценки некоторых лиц, через месяц, максимум два чума будет в России. В настоящее время информация не проверена досконально, но и времени у нас нет. Если прогноз сбудется, то Россию ждёт пандемия. Принять сейчас какие-то решения мы не можем, нужно получить максимум информации по этой ситуации. Поэтому я поручаю вам, как руководителям министерств, проверить данную информацию, оценить последствия и дать свою экспертную оценку.

Через неделю на столе Голицына лежали четыре папки с проведением анализа полученной информации, рисками и путями решения. Изучив их все, Голицын пришёл к неутешительному выводу – Сергей Анатольевич был прав. Индия бьётся в агонии и чума уже шагнула за её пределы. Все прогнозы были негативные. Он поднял трубку телефона:

– Найдите Молотова.

Через час Валентин Михайлович был в кабинете Голицына.

– Мои худшие прогнозы подтвердили министры. – Сухо проговорил Голицын. – Россия в считанных днях от первых заболевших. Вся наша стратегия роста стала в своём развитии. Понимаешь, Валентин, то, что мы делали на протяжении многих лет теперь можно забыть. Поправь меня, если я не верно вижу ситуацию. Лечения сейчас нет, остановить в современных условиях миграцию чумы у нас нет возможности. Если не на прямую, то через наших торговых союзников она проникнет в Россию. Думаю, не стоит говорить к чему это приведёт. И вот теперь главный вопрос: что делать? Я вижу два решения. Первое: закрыть все границы, игнорируя интересы союзников и все обязательства, запретить любое сообщение с миром, информировать население и максимально возможно вести меры по профилактике, усилить наши войска на границах, привести армию в боевую готовность. И второе: придерживаться выбранной стратегии помощи союзникам, не изолируясь от них, но принять меры

по усилению границы и профилактике в стране. В первом случае мы имеем больше шансов уберечь страну и население, но, если ситуация с чумой пойдёт на спад – мы лишимся большей части своих союзников. Ты что думаешь?

– Я не призываю тебя ни к чему, Миша. Ты лидер. Но я бы выбрал первый. У нас золота столько, что даже если ситуация переменится, мы сможем управлять долгом наших союзников. Ну или постараемся объяснить, что мы не могли рисковать ни собой, ни ими. Придумаем какую-нибудь правдоподобную историю. В любом случае их золото в залоге у нас и хоть и не будет таких же отношений, но они будут зависеть от нас. Мы не сдержим чуму. Сам знаешь это. Если она попадёт в Россию, то с нынешней плотностью населения и даже при нашей медицине, она погубит народ.

Голицын смотрел на Молотова, не моргая.

– Ты президент, Миша. И твоя забота – это Россия. А все наши союзники... были времена и когда их не было, а страна всё равно встала с колен, потому что был народ. Без народа нет страны.

Голицын устало опустил голову.

– Да, ты прав. Я тоже об этом думал много. Надеюсь потомки меня поймут.

3.

Ночь очень быстро переросла в утро следующего дня. Голицын собрал экстренное собрание всех министров. Сам он

сидел во главе стола в светлом просторном кабинете. В котором совсем не чувствовал себя так же уверенно как в своём тёмном.

– Товарищи министры, – начал он свою речь, – я изучил предоставленные мне сведения, анализы и пути выхода из потенциально опасной ситуации и принял следующее решение. Оно уже направлено вам для исполнения. Во-первых, через два дня мы закрываем все границы, прерываем любое сообщение за пределами страны, только выпускаем граждан, наших граждан, пребывающих домой, помещаем на карантин в боксы. Во-вторых, усилием по максимуму войска на границе, информируем мир о нашей самоизоляции и считаем любого, кто без разрешения приближается к нашей границе, угрозой. В действие вступает закон военного времени: уничтожать при попытке пересечь границу. И, в-третьих, нацеливаем нашу медицину на профилактику чумы среди населения, выявления заболевших лиц и их изоляцию. Ну а спецслужбам, я поручил получить сведения о развитии болезни, ситуациях в мире, а также передовых методах лечения.

Министры молчали. На их лицах были видны растерянность и страх. Страх царил во всём кабинете. Боялся и сам Голицын. Но другого выхода не было. Тут было не до дипломатии. Это уже был вопрос выживания.

На утро следующего дня телефон в кабинете Голицына обрывался. Звонили все. Все союзники требовали разъяс-

нения, соблюдения договора, угрожали, просили, требовали. Каждому Голицын объяснял причины своего решения, убеждал поступить так же. Кто-то понимал, кто-то нет. Сначала Голицыну было стыдно и неудобно говорит всё это людям, чьи страны зависят от него, потом на смену стыду пришла злость за их непонимание всей ситуации, потом безразличие на фоне нервного переутомления. Кофе сменялось сигарой, сигара телефонным разговором, телефонный разговор – кофе. На город опустилась ночь, а в кабинете Голицына всё ещё горел свет. В кабинет зашёл Молотов.

– Не простой день, Михаил Владимирович, – он сел за стол, налил себе кофе, – мне тоже звонили сегодня все, кто мог, да и министрам тоже. Мне кажется, что день не закончится.

– Не тебе одному. – Устало проговорил Голицын. – Я и их понимаю, но ничего сделать не могу. Остаётся только ждать.

Домой Голицын приехал уже за полночь. Супруга, видя его состояние, ничего даже не стала спрашивать, и пока он принимал душ, приготовила чай с мятой и постель.

Следующее утро, как и весь день выдался нервным, с множеством звонком и неприятных разговоров. Не только в Кремле, но во всей стране повисла тревожная пауза. К счастью население не ударилось в панику, а с пониманием отнеслось к принимаемым мерам. Телеканалы и радио старались не нагнетать ситуацию, но волнение чувствовалось везде.

Прошёл месяц и прогнозы стали подтверждаться. Информация поступала с всего мира. Лёгочная чума свирепствовала в Азии, ей была охвачена Африка, выявлены случаи в Европе и Северной Америке, Австралии и Южной Америке, Индия катастрофически теряла население. Ведущие лаборатории были бессильны против чумы. Никто не мог найти способ лечения. Смертность превысила 97%. К тому же СМИ пережёвывали каждый новый факт, непонятные специалисты давали советы, прогнозы. В мире начала сеяться паника. С одной стороны, это играло на руку Голицыну – люди видели, что творится в мире и ценили решение своего лидера. С другой стороны, у границ начинала закипать ситуация – люди, спасаясь от пандемии бежали туда, где болезни не было. Возможно они и понимали, что являются переносчиками болезни, но желание жить толкало их вперёд.

Первый инцидент случился на границе с Казахстаном первого октября. Целая группа казахов проигнорировала предупреждение российских войск и попыталась пробиться через границу. По ним был открыт огонь на поражение. Некоторые погибли, находясь на нейтральной территории. Это вызвало множество критики со стороны властей Казахстана и многих других стран. Но Голицын был не приклонен: Россия закрыта для посещения, любая попытка нарушения границы воспринимается как нарушение закона. Казахстан подвёл к границе с Россией войска, предъявив ультиматум об открытии границ, накалил конфликт ещё сильнее. Голицын отдал при-

каз, и вся группировка Казахстана на границе была накрыта огнём артиллерии. Потом он позвонил президенту Казахстана, объяснив ему, что любая попытка провокации будет расценена как объявление войны и по территории Казахстана будет нанесён ядерный удар. Угроза сыграла свою роль, Казахстан не выдвинул никаких претензий. Но на других участках то и дело были попытки пересечения границы, российские войска открывали огонь, но люди опять пытались прорваться. Это активно освещали зарубежные СМИ.

Кабинет Голицына всё так же был наполнен запахом кофе и сигар. Сам же Голицын выглядел уставшим, под глазами тёмные круги, морщины стали ещё глубже. Телефон стал звонить реже, но от этого спокойнее не становилось. В кабинет зашёл Молотов.

– Что там, Валентин Михайлович?

– Индия потеряла три четверти населения, Непал, Мьянма, Бутан, Шри-Ланка, Лаос и большинство стран Азии потеряло половину населения. Африка даже не может посчитать количество умерших, Европа прогрессирует, Южная Америка в положительной динамике, США держатся, но на пороге эпидемии.

– Наши союзники?

– Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Монголия, Азербайджан – сорок процентов заразившихся, смертность на уровне восьмидесяти процентов. Кавказ заражён в основном в крупных городах, аулы мало страдают, но если есть бо-

лезнь, то вымирают все. Белоруссия, Молдова, Болгария заразились процентов на двадцать пять. У нас нет заболевших.

– Что на границах?

– Западные границы никто не пытается пройти, на Юге основная проблема – море, но после того как несколько катеров и лодок потопили наши пограничники попыток прорыва не было, Дальний Восток и Север тоже без происшествий, только вот на границе с азиатскими странами постоянные провокации. Сколько не предупреждали, всё равно то одиночно, то по несколько человек пытаются пройти. До стены, конечно, не доходят, да и не понятно какой смысл во всём этом, десятиметровые стены всё равно не перелезть. Установили там дополнительные автоматические турели, чтобы снизить уровень стресса у пограничников, вроде как сами и не стреляют ни в кого. А так все проходы закрыты.

– Что медики говорят, когда нам ждать первые вспышки?

– Ничего конкретного нет, если люди не проникнут, то опасность будет исходить от переносчиков. А на что способен этот вирус не известно, может грызуны, может птицы, может вода. Пробы воды в реках и озёрах берут постоянно, да и в приграничных районах птиц и грызунов тоже отлавливают на анализы. Пока не было ничего.

– В мире не нашли способ борьбы с чумой?

– Пока не слышно ничего. К тому же многие наши источники перестали выходить на связь, но сами мониторим сеть, новостей кроме числа умерших нет.

– Нужно информировать людей, сейчас скрывать что-то смысла нет, начнут подозревать, что утаиваем, начнётся паника и волнения, а это нам ни к чему. Да и профилактику нужно продумать. Может ещё что-то ввести. Чтобы народ по максимуму себя ограждал.

– Делаем, на постоянной основе.

– Что с продовольствием, чистой водой, медикаментами и всем прочим?

– Всё под контролем. Цены никто не повышает, постоянные поступления есть, заводы работают, да и экспорт снизился, так что запасы есть.

– Это хорошо. Поручи экономистам и социальной сфере просчитать развитие ситуации. Если надо, то за счёт государства будем население обеспечивать, вплоть до бесплатной выдачи. Главное – не допустить панику.

– Будет исполнено, Михаил Владимирович.

Молотов молчал и смотрел на своего президента.

– Сам то, что думаешь, Валентин? – Спросил его уже по-свойски Голицын.

Молотов тяжело вздохнул:

– Мы не сможем всё время оттягивать угрозу, рано или поздно чума проникнет и в Россию. И если не сможем найти способ её лечить, то...

Продолжать не было смысла, Голицын и так понимал, что значит это «то». И это самое «то» ему не нравилось из-за того, что оно было всего лишь вопросом времени. Молотов

сидел молчал, молчал и Голицын. Он допил кофе, взял со стола листок бумаги и, встав из-за стола, подошёл к окну.

– Я с ужасом представляю, что сейчас творится в мире, сколько смертей уже есть и сколько ещё будет. Эта космополитическая система мира разрушила все границы, они остались лишь на бумаге и сейчас что вышло? Нет возможности оградить свою страну. Я в сотый раз убеждаюсь, что мы сделали правильный выбор, когда возвели стену по границе. Сейчас многие сожалеют, что не пошли по нашему пути. Но и сейчас наша стена не может дать никакой гарантии. Я думаю о том, что делать, когда и у нас появятся первые заражённые? Скольких они успеют заразить до того времени, как мы их обнаружим? И самое главное, что с ними делать? Ведь нет лекарства, нет возможности их вылечить? Вот в чём главный вопрос, Валентин. Как нам с ними поступить?

Молотов молчал. Он и сам много раз задавал себе этот же вопрос, но не мог получить на него ответ. Тот вопрос, на которой не было ответа. С одной стороны, с рациональной, с той, с которой подходят к эпидемиям среди животных, необходимо уничтожение переносчика болезни, больных особей и изоляция всех, кто контактировал. Но это сделать не позволяла мораль. Ведь одно дело – животные, другое – человек. И та же самая мораль говорила, что нужно сдерживать болезнь, не допустив заражения других любыми средствами. Странная эта мораль – она же и подсказывает, что делать, и сама же осуждает выполненное решение. Допустить пер-

вый вариант было равносильно гражданской войне. И все это прекрасно понимали, но и на фоне сложившейся ситуации это не смотрелось крайней мерой. Но и сделать этот шаг Голицын не решался.

4.

Каждый новые день нёс новые новости, причём хороших среди них не было. Голицын перелистывал сводки, подготовленные аналитиками, количество больных прогрессировало, количество смертей соразмерно. Были случаи выздоровления, но каких-либо антител найти не могли. Чаще делали вывод, что причиной выздоровления был сильный иммунитет, ранее обнаружение признаков болезни и общее состояние организма. Как показывала статистика, на 10 больных приходилось 2 выздоровевших, а остальные 8 умирали. Страны, где уровень жизни был высок, теряли меньше людей, да и уровень заражения был ниже, а вот там, где царил бедность и нищета, уже потеряли до 70 % жителей. При этом никто не мог оценить уровень миграции, потому что через пропускные пункты не пропускали людей, а удержать всю территорию было невозможно. К тому же активно распространялись слухи о незаражённых территориях, и люди шли туда, кто на машинах, кто пешком, больные, голодные. Умирали по дороге, грабили и крали, поджигали и громили. В массах это явление окрестили «дорогой смерти». И самое страшное было то, что эта миграция не поддавалась контро-

лю. Люди шли в более развитые страны, города с надеждой получить там лекарство и спастись от чумы. В сети всё больше появлялось сообщений о России, как о стране, где нет чумы. Голицын отложил в сторону листки. Нажал на кнопку телефона:

– Найдите министра обороны.

Через час в кабинет постучали, и после разрешения вошёл высокий мужчина в форме. Худой, с вытянутым лицом, тёмной щетиной на лице, длинным носом и глубоко посаженными глазами.

– Вызывали, Михаил Владимирович. – То ли спросил, то ли констатировал факт он.

– Георгий Сергеевич, – Голицын встал и пошёл ему на встречу – мне поступают сведения о том, что массы народа мигрируют из страны в страну, ища незаражённые земли. И чаще встречаются сведения о России, как о стране без чумы. Понимаете, к чему это ведёт?

– Так точно, господин президент, мне тоже на стол ложатся данные сведения. Я отдал приказ о мобилизации воинских подразделений, располагающихся вблизи границы, с целью увеличения контингента. Так же приведены в боевую готовность части артиллерии, граница усилена автоматическими турелями, крупнокалиберными пулемётами, миномётами, установлены орудия на случай попытки прорыва танками и бронетехникой, приведены в боеготовность зенитные орудия, перед нейтральной полосой прорыты рвы, за ними

проведено минирование. Границы патрулируются дронами, к тому же постоянно шлют отчёты из космического отдела. Так что мы готовы.

– Это хорошо, Георгий Сергеевич, не хотелось бы, чтобы наши границы брали штурмом.

– Не беспокойтесь, господин президент, не допустим.

Голицын кивнул головой в знак понимания и отпустил министра. Сам сел в кресло и закрыл глаза. Новой проблемой больше. Теперь люди пойдут к границам России.

Голицын попытался понять, что он чувствует в сложившейся ситуации, объективно, без морали и осуждения. А чувствовал он злость на тех, кто хотел попасть в страну, принести сюда болезни, смерть и хаос, не было к ним жалости и сострадания, но в тоже время был страх, что стены не спасут Россию и что тогда будет? Страх неизвестности, невозможности контролировать и опасности болезни. Как бы то ни было, он понимал, что его здоровье уже не справится с болезнью, а от него зависело много – и страна, и семья. Боялся он бунта, паники и всеобщей истерии. И всё это отбিরало у него сон, нервы и сгущало над головой тучи.

Второй месяц осени принёс с собой первые холода, дожди и сырость. Ситуация в мире накалилась ещё больше. Теперь сведения о мёртвых никого не удивляли. Теперь умирали страны, если не полностью, то очень много людей, выводы делали из количества активных абонентов и аккаунтов, длительное время невыхода в эфир руководства, а также

снимков, присылаемых с автономных космических аппаратов. Так уже погибла Индия, Непал, Мьянма, Бутан, Лаос, Таиланд, Вьетнам, Камбоджа, Шри-Ланка, Малайзия, Филиппины, Индонезия и Папуа-Новая Гвинея. Австралия всё ещё боролась. Боролся и Китай с Японией, а вот Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан стали пустынными. Видна была ещё жизнь в Афганистане, Иране, Турции, Грузии, Армении, Азербайджане, а вот Пакистан пропал. На Ближнем Востоке и Африке ещё жив был Израиль и Сирия, Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт, а вот Африка полностью пропала. Теплилась жизнь только в районе ЮАР и Мадагаскара. Противостояла болезни Аргентина, Бразилия, лучше дела были у Чили, катастрофически плохо в Боливии, Парагвае, Уругвае, Эквадоре, Перу, Колумбии и всей центральной Америке. США и Канада тоже были заражены, но активно противостояли болезни. Европа же была поглощена полностью, к тому же миграционные потоки принесли ещё и преступления.

Снимки с космоса показывали, что массы людей направляются в сторону России как из Европы, так и из Азии. По морю движения нет, а вот пешком много.

Голицын отдал приказ, готовиться к обороне.

В тот же день российская армия развернула дополнительные силы для отражения нападения. Чтобы не рисковать психикой солдат, первом эшелоне развернули автоматические системы уничтожения живой силы, артиллерию приве-

ли в готовность, на стены всё же выставили солдат, ворота на границах дополнительно укрепили. На расстоянии в 200 метров выставили щиты с предупреждением, такие же надписи вывесили на стенах. Но надежды было мало на то, что это остановит людей. Начались томительный часы ожидания.

На третьи сутки на границы в районе аэропорта «Орск» на горизонте показались первые машины,двигающиеся по направлению к границе. Машины объезжали заградительные сооружения, игнорировали таблички с предупреждением, продолжали приближаться к границе. Как только первый автомобиль пересёк минимально допустимую отметку по нему сразу же сработала автоматическая турель. Китайский внедорожник, не успев остановиться, тут же взорвался и, перевернувшись колёсами в верх, остался лежать на земле. Но других это не остановило и машины продолжили движение вперёд. Раздались очереди новых турелей, новые горящие куски железа образовались на дороге, а другие машины продолжили движение. Турели загрохотали заново, к ним присоединились несколько миномётных залпов. Груда горящего железа стала увеличиваться. Видя, что Россия не хочет принимать беженцев, поток машин остановился. Из машин стали вылезать люди, что-то кричали, махали руками и белыми тряпками. Со стороны границы ответа не было. Лишь только баннер с предупреждением развивался на ветру.

Голицын сидел за столом и читал поступавшие сообщения. На границе то тут, то там беженцы пытались прорвать-

ся, армия отбивала эти попытки, границы стали обрастать лагерями, в которых селились беженцы. Идти им было некуда, но и попасть в страну они не могли. Поэтому им оставалось только сидеть и ждать: или Россия откроет свои границы, или чума истребит их. Опасность вспышки чумы в таких лагерях прямо у границ была велика, но и нанести удар по ним Голицын не собирался. Оставалось только ждать. Вот только чего?

Утро следующего дня. Солнце всё ещё пряталось в серых дождевых облаках, не желая дарить свет. Голицын уже был в своём кабинете, пил кофе и читал поступившую информацию от ведомств.

«Министерство обороны. За текущие сутки было осуществлено 13 попыток пересечения государственной границы группами различной численности, не превышающих 50 человек. Все попытки пресечены, потерь со стороны армии нет. В 01.35 часов текущих суток системой ПВО был зафиксирован, приближающийся с территории Польши тактический истребитель «Фантом». На вызов диспетчера ответа не было, в связи с чем было принято решение о недопущении пересечения государственной границы. Самолёт был сбит в 120 км. от границы. Обследование территории падения воздушного судна не проводилось. Число лиц, находящихся на бору не известно. Заразившихся среди военнослужащих нет».

«Министерство иностранных дел. По сообщению источ-

ников, оставшихся в зоне заражения, способов лечения чумы не получено. Количество заражённых варьируется от 60 до 70% в странах Европы и Северной Америки. По другим странам данных нет».

«Министерство по чрезвычайным ситуациям. В 23.15 часов по московскому времени спутником зафиксирован взрыв на АЭС Куданкулам в Индии. В настоящее время из-за сильного задымления района и пожаров оценить степень повреждения не представляется возможным, согласно полученным данным уровень радиации в данном районе превышает норму в 325 раз.

Фиксируется пожар на АЭС Чашма в Пакистане и АЭС имени адмирала Алваро Алберто. Не определено время, но подтверждено спутником прорывы водохранилищ в Африке: Кариба, Насер, Вольта, а также Ингури в Грузии, Итайпу на границе Бразилии и Парагвай, Эль-Кайон в Гондурасе, Сан-Рок в Филиппинах и Зимапан в Мексике.

Отмечается резкое снижение деятельности большинства АЭС, вплоть до автономной остановки станций, экстренный спуск воды на ГЭС, остановка фабрик и заводов, добычи нефти и газа»

Голицын пролистал отчёты минздрава и минэкономразвития – везде была одна и та же картина – мир перестал существовать таким какой он был. На данный момент Россия была ещё целой, но экономика страны была ограничена и фактически работала сама на себя, денежные средства

в ближайшем будущем должны были обесцениться. Оставалось понять, как теперь должна будет существовать страна, как распределять ресурсы и выбирать стратегию развития.

Голицын вызвал по телефону к себе Молотова.

– Валентин Михайлович, – начал он, ровным и негромким голосом, – я просмотрел отчёты министерств и поручаю вам провести проверку нашей системы энергоснабжения, я имею в виду атомную энергетику, ГРЭС. Нужно проверить сможем ли мы дистанционно отключить их в случае эпидемии, чтобы не допустить техногенных катастроф. И сможем ли мы компенсировать эту энергию альтернативными источниками.

– Да, я дам поручения.

– И поручи ещё, чтобы проанализировали настроение в массах. И отдельно среди военных, несущих службу на границе.

Молотов кивнул, отодвинул стул и сел напротив Голицына.

– Наши источники сообщают о катастрофическом положении во всех странах мира. Есть мнение, что может произойти несанкционированный ядерный удар.

– По нам?

– В том числе.

– Почему?

– Злость, зависть, ненависть к нам. Кто их знает.

– Я дам приказ министру обороны, чтобы ПВО были на

чеку. Вообще ожидаема такая реакция. Нас и раньше не особо любили, а в нынешней ситуации уж подавно.

5.

1 декабря. Снега в столице ещё не было, но холод и промозглый ветер хозяйничал во всю. Среди ночи в спальне Голицына раздался телефонный звонок. Рукой, нащупав телефон, президент нажал кнопку и поднёс аппарат к уху.

– Михаил Владимирович, – раздался в трубке голос министра здравоохранения, – по неподтверждённым данным у нас в Кяхте выявлен заболевший. По признакам чума. Но пока нет результатов анализов.

Сон как рукой сняло.

– Немедленно направляй туда группу «Первой волны», чтобы на месте установили все обстоятельства. Я дам распоряжение, чтобы местные власти выполняли все их требования.

Голицын положил телефон и сел на кровати. В голове была только одна мысль: «неужели началось». Спать уже не было желания. Быстро одевшись, он вышел из дома и поехал в Кремль.

Декабрь не задался, не успокаивал кофе, оставалось только ждать первой информации от группы. Группу «Первой волны» создали по совету министра здравоохранения, как только закрыли границы. В неё вошли лучшие вирусологи, медики, сотрудники эпидемиологического надзора, МЧС.

По всей России создали похожие группы из наиболее подготовленных специалистов в этих областях, но всё же главная группа была основной, на кого можно было полностью положиться.

Время тянулось долго, даже очень. Первые сообщения появились только на следующий день, когда кончилась бессонная ночь на работе, опустела ни одна кружка кофе, выкурены были несколько сигар. И они не были ободряющими.

«Выездом в г. Кяхта р. Бурятии было установлено, что 01 декабря настоящего года в местное отделение ЦРБ обратился гр. Злобин А.В., вызов был осуществлён по каналу 03. Первоначально был поставлен диагноз – двухсторонняя долевая пневмония, под вопросом интерстициальная. Был доставлен в ЦРБ. Отмечены симптомы выраженной интоксикации, головные и мышечные боли, слабость, ознобы, рвота. Пациент жалуется на одышку, кашель с отхождением стекловидной прозрачной мокроты. Температура 39 градусов.

На момент прибытия специалистов «Первой волны» отмечено изменение характера мокроты. Она стала жидкой, кровянистой – розовой, пенистой. Подтверждена долевая плевропневмония. Объективно определяется гиперемия кожного покрова, одутловатость лица, инъекция сосудов склер, так называемые «глаза, налитые кровью». Язык густо обложен белым налётом.

На момент осмотра отмечается заторможенность нервных реакций: речь замедленная, невнятная, нарушена координа-

ция движений, повышена чувствительность к звуковым и световым раздражителям. развивается токсическая энцефалопатия.

На фоне резкого изменения состояния – сердечно-сосудистая недостаточность – пациент переведён в реанимацию.

Полученные результаты анализа подтвердили наличие у пациента изменённой грамтрицательной палочки *Yersinia pestis* – возбудителя чумы.

Семья пациента помещена в боксы на карантин, установлен ближайший круг контактов (в том числе и медицинские работники, и работники ССМП) – все помещены на карантин, взяты анализы. Способ попадания возбудителя в организм пациента не установлен в настоящее время.

Въезд и выезд из города закрыт силами ВС и полиции».

Голицын положил листок на стол и посмотрел на Молотова.

– Вот и у нас началось. Нужно не допустить паники. Осветить данную ситуацию в СМИ как аварию на объекте химической промышленности. При этом усилить профилактику и выявление болезни. «Первую волну» оставить пока там. Если ситуация измениться в худшую сторону, то возвращение только через карантин и анализы. Пока правду не должны знать даже руководители края и больницы. Отслеживать все сообщения в медиа. Если появится информация об этом – блокировать сразу, без решения суда, вплоть до Интернет-ресурса. Сошлемся на технический сбой.

Молотов кивнул и молча вышел. Голицын допил одним глотком кофе, закурил сигару и вышел из кабинета. Сейчас хотелось пройтись по коридорам Кремля, кабинет, который раньше был уютный, сейчас стал давить. Оставив охрану у кабинета, он шёл по коридорам без какой-то конкретной цели, просто хотелось идти. Машинально здоровался с встречающимися с ним сотрудниками. В душе теплилась надежда, что есть шанс остановить распространение болезни (он на подсознательном уровне даже в своих мыслях не называл её чумой), но сознание понимало, что это только точка отчёта, так сказать нулевой пациент в России. Теперь стратегия развития страны в условиях изоляции изменилась на стратегию выживания.

На следующий день от группы «Первой волны» пришло сообщение о смерти пациента Злобина и выявлении симптомов у трёх членов его семьи, фельдшера скорой помощи, врача, принимавшего его и двух медсестёр. Чуда не произошло, чума не остановилась на одном человеке. Небольшой городок с населением чуть больше 20000 человек, о котором раньше мало кто знал, стал на эти дни главным городом России, к которому были прикованы взгляды всего Кремля.

Медицинские организации всего мира не могли найти способ бороться с этой болезнью, Россия же намеренно не доставляла на свою территорию образцы, стараясь препятствовать попаданию чумы на территорию страны.

На следующий день Голицын сидел в кабинете, молча пе-

ресматривал поступившие сводки. Телефон зазвонил мелкой трелью.

– Да, слушаю. – Сухо сказал Голицын

– Поступило сообщение от «Первой волны» – звучал в телефоне голос министра МЧС – в реке Кяхта обнаружены палочки чумы, на данный момент количество подтверждённых больных семнадцать человек. Выявлен пациент из посёлка Хоронхой, подтверждён контакт с жителями Кяхты, взяты пробы из реки Селенги. Подтверждено наличие палочек чумы.

– У меня нет под рукой карты, – Голицын упёрся головой в руку, – Селенга, откуда берёт начало?

– Из Монголии. Впадает в Байкал.

– Изолировать города и районы у нас не хватит людей. Направьте специалистов для отбора проб воды по всему течению Селенги, в Байкале и Ангаре. Проводить мониторинг среди населения городов в этих районах. Завтра утром мне на стол все сведения.

Утро следующего дня началось не с пробуждения, а просто ночь плавно перешла в пасмурное утро. Около восьми часов утра поступили первые сведения. К счастью, пробы воды дали отрицательный результат. Эксперты объяснили первые данные о выявлении чумы в воде тем, что, вероятно поблизости в воду попало мёртвое существо (так и указали в формулировке, не животное, не человек, а именно существо), жидкости из его тела смешались с водой и дали по-

ложительный результат проб. Но данный вид чумной палочки не способен жить самостоятельно в воде. При всей видимой положительной стороне новости, между строк спряталось предупреждение об опасности: «вероятно поблизости в воду попало мёртвое существо». А это значит, что, если не человек, так какой-то иной переносчик болезни находится в тех районах. А значит оградить людей от него пока нет возможности.

Голицын отложил листки, взял кофе, сделал глоток, окинул взглядом кабинет и набрал своего секретаря:

– Пусть руководитель «Первой волны» свяжется со мной лично и как можно быстрее.

Он опустил обратно в кресло и стал ждать. Через двадцать минут на экране, висевшем на стене напротив стола загорелась табличка, указывающая на входящий звонок. Голицын нажал кнопку и на экране появилось видео.

Мужчина в годах, немного полноват, одетый в полевую форму военных:

– Здравия желаю, господин президент. На обратной связи старший группы «Первая волна» полковник Лазарев.

– Здравия желаю, полковник. Доложите обстановку.

– На двенадцать часов по местному времени двенадцать случаев подтверждения заражения лёгочной чумой, летальных нет. Бубонной чумы не выявлено. Все заражённые из числа контактировавших с пациентом Злобиным. В настоящее время круг лиц, которые контактировали с ними взят

под карантин. В селе Хоронхой под карантин взяты все жители. Перекрыты пути движения в указанных районах силами внутренней службы вооруженных сил. Среди военнослужащих заболеваний не выявлено.

– Скажите, товарищ полковник, по вашим, лично по вашим оценкам, нам удастся локализовать эту вспышку?

– Это только оттяжка времени, господин президент, нет возможности отследить и провести анализ диких животных. Вероятность того, что с их помощью передастся чума велика.

– Если провести меры как в Чернобыле? Отстреливать животных?

– Большой промежуток времени, нет смысла, пока не известно являются ли они переносчиком болезни, а отстрел всех животных приведёт к привлечению внимания.

– Ваш прогноз на выявление новых больных за пределами карантинной зоны?

– Ещё неделя, может две. По моей оценке, индекс репродукции будет равен или даже выше, чем у кори. Я думаю он составит пятнадцать-двадцать. Смею предположить, что способ передачи воздушно-капельный. Но это всё только мои предположения, исходя из оценки в относительно закрытом социуме.

– Спасибо, товарищ полковник. В случае изменения ситуации, сообщайте немедленно.

– Есть!

Голицын выключил экран. Худшие опасения его подтвер-

ждались. Нужно было готовить страну к изоляции по городам. Он вызвал к себе Молотова.

– Валентин Михайлович, поручи подготовить распоряжение о перекрытии передвижения между городами в республике Бурятия. Передвижение только по пропускам, выданным в Администрации. Это должны быть спецтранспорт, подвоз воды и продуктов. Чтобы не допустить паники, отправить больше продуктов в республику, распорядиться выдавать без платы минимально необходимый набор на человека, даже пусть его увеличат в два раза. В приграничных с Бурятией районах готовится к аналогичным мерам.

Молотов всё понимал и без приказа президента часть распоряжений уже дал от собственного имени. Теперь оставалось только ждать. Только время может дать ответ успели ли они со своими мерами или нет.

И время это показало через неделю. Всё тот же полковник Лазарев на прямую доложил Голицыну о заражении в Иркутске. Сразу четыре человека, не связанные между собой. Болезнь вышла из-под контроля.

Голицын распорядился ввести пропускной режим в самой Иркутской области, а также в Красноярском крае, Забайкальском крае, республике Саха, республике Тыва. Все авиарейсы были отменены, поезда пропускались только товарные. На всех магистралях были выставлены санитарные посты, все мелкие дороги были перекрыты, границы патрулировались, привлечены были даже квадрокоптеры. Всё это

напоминало масштабную военную операцию по окружению и блокировке врага.

6.

Люди в изолированных районах пока вели себя с пониманием действительности и необходимости принятых мер, тем более, что с продовольствием перебоев не было, да и власти принимали все возможные меры по профилактике: машины МЧС день и ночь обрабатывали города и посёлки, к ним подключилась армия и вся муниципальная техника; в городах оборудовали специальные боксы для заражённых, медикаментов было в изобилии. Чтобы не допустить инфекцию, трупы кремировали, запретив захоронение в привычном понимании этого слова.

Лазарев ежедневно докладывал о ситуации в изолированных районах. Иногда даже казалось, что всё меняется в положительную сторону: уменьшалось количество заболевших, при этом были и выздоровевшие, смертность была ниже, чем в мире. Но потом был опять всплеск заболевших, новые и новые. Карта районов постепенно стала напоминать новогоднюю ёлку, всё меньше и меньше оставалось мест, где бы не горел маяк, извещающий о заражённости.

Сравнение с ёлкой было очень кстати, потому что декабрь перешагнул за свой экватор, зима накрыла всю Россию, и весь мир.

«Мир». Слово это сейчас звучало даже как-то странно.

Когда Голицын слышал его, в голове возникали ассоциации с детским атласом, на котором возле каждой страны были нарисованы человечки, одетые в национальные одежды. А потом появлялось осознание того, что большая часть стран так и останется только в истории и на картах, вся цивилизация на их территории исчезнет под натиском растительного мира, исчезнет их культура и самобытность, язык и отличительные признаки. Кто же останется в этом мире?

Он поднял доклады по обстановке в мире. Листая их, Голицын отчётливо осознавал, что на планете жизнь осталась только в таких резервациях как Россия, США, Канада и Исландия создали у себя небольшие поселения, отгороженные заграждениями. Там ещё была жизнь, ещё жизнь сохранилась в отдалённых и малонаселённых посёлках, наверное, Африка со своим полупервобытным укладом сохранила племена, возможно Азия и труднодоступные места в Южной Америке. Но это лишь крохи от того населения, которое было. Спутники показывали, что кое-где есть жизнь, но большая часть стран стала пустошью. Даже на подступах к границам России людей стало меньше: кто-то умер, кто-то погиб при попытках пересечь границу, кто-то, осознав, что за стену им не пройти, ушёл в другом направлении.

До января ещё удавалось сдерживать болезнь в изолированных областях, но потом она всё же прорвалась. В один день поступили тревожные новости из Хабаровска, Новосибирска и Омска. На следующий день заражения чумой под-

твердились в этих городах. Провести изоляцию и этих областей уже не хватало времени и сил. Чтобы хоть как-то уменьшить распространение болезни, пришлось в срочном выпуске новостей обратиться к населению.

Был риск паники, но и молчать было опасно, поэтому Голицын в своём выступлении рассказал о ситуации, которая сложилась в регионах, при этом успокоил граждан, пояснив, что медикаментов и продовольствия хватает, назвал количество выздоровевших, не уточняя процентное соотношение с умершими, людям было ни к чему знать, что 65% не могут перебороть болезнь. Так же он призвал всех меньше контактировать с окружающими, использовать средства индивидуальной защиты, находится дома и при появлении симптомов обращаться в больницу. Чтобы хоть как-то поддержать людей, Голицын подтвердил слух о том, что Россия разработала курс лечения от лёгочной чумы, этим и обуславливается смертность меньше чем во всём мире. До этого, Минздраву было дано указание о лечении чумы новым антибиотиком, гибридного происхождения. Его эффективность не была доказана, но эффект «плацебо» тут работал на отлично. Да и все НИИ трудились не покладая рук, стараясь найти лекарство от этой болезни. Оставалось уповать на русский «авось», который неоднократно помогал стране.

7.

К февралю заболевшие были уже во всех регионах Рос-

сии, но при этом массовой заболеваемости ещё не наблюдалось. Население старалось выполнять профилактические меры, что способствовало борьбе с чумой.

23 февраля Голицын встречал, как и остальные праздники на работе в своём кабинет, с чашкой кофе, сигарой и кипой бумаг на столе. За это время он заметно постарел, прибавилось морщин и седины, во всём остальном это оставался тот же лидер, выстроивший когда-то сильную империю, империю, внутрь которой всё-таки пробралась болезнь. Каждый день приносил новые сводки по больным, смертность удалось снизить до 60%, выздоровевшие хоть и были сильно изнеможены, но повторно чумой не заражались. Почему так происходило никто объяснить не мог, но главное было, что чума не мутировала.

В кабинет без стука вошёл Молотов, отодвинув стул, сел напротив Голицына. Зная Молотова не первое десятилетие, Голицын понимал, что такое поведение – знак плохих новостей.

– Не томи, Валентин Михайлович, вижу, что принёс дурную весть.

– Дурную, Михаил Владимирович, дурную. – Молотов положил руки на стол. – Поступило сообщение с Белоярской атомной станции, процент больных, работающих на станции достиг восьмидесяти.

Молотов замолчал и смотрел на Голицына, а тот на него.

– Мы же уже обсуждали с тобой возможность такого по-

ворота событий, – Голицын затянулся сигарой. – Мы не можем допустить взрыв станции. В течении часа станцию нужно отправить на автоматическую остановку своей деятельности, а регионы, которую она питала переключать на соседние станции: Балаковскую и Сибирскую. И направь специалистов проконтролировать, что дистанционно удалось ввести станцию в состояние автономной остановки и консервации.

– Это первая ласточка, ты же понимаешь? – Молотов пристально смотрел в глаза Голицыну.

– Понимаю, держи руку на пульсе. Лучше мы остановим все опасные объекты, чем допустим аварии.

– Сейчас мы не сможем заменить АЭС и ГЭС альтернативными источниками, а когда население лишится энергии, мы получим много недовольных, ничем не занятых людей, а это чревато последствиями.

– А что ты предлагаешь?

– Дистанционное управление объектами жизнедеятельности. Всеми АЭС и ГРЭС.

– Если никто не будет контролировать система сдаст сбой. И одного из десяти хватит нам, чтобы получить техногенную катастрофу. Нет, Валентин, будем останавливать, если количество заболевших сотрудников достигнет восьмидесяти процентов.

– Как скажешь. Не буду спорить, ты президент, тебе и решать.

Молотов встал, задвинул стул.

– Как думаешь, сможет устоять страна? – Спросил он неожиданно.

– Важно, чтобы были те, кто смогут её возродить после этого испытания. В том виде, в котором мы знаем Россию, она уже не будет, нам надо постараться поднять её быстрее чем другие страны.

– Да, ты прав. Нам нужна стратегия развития после чумы. – Молотов задумчиво посмотрел в сторону, после чего пошёл к двери.

Голицын допил кофе и подошёл к окну. Молотов был прав, он президент, и нести всю ответственность только ему.

Следующие дни несли дурные вести одну за одной, количество больных увеличивалось, смертность держалась на пороге 60%, часть производств, в которых не было необходимости на данный момент пришлось остановить, остальные работали, школы и детские сады закрыли, закрыли все места массового пребывания людей. В городах ситуация было гораздо хуже, в мелких деревнях и сёлах людей заражалось гораздо меньше. Как ни странно, но население послушало президента и массовых переездов населения не отмечалось. Это радовало, надежда, что различные сельские поселения лучше перенесут болезнь, и что станут опорой новой России. Голицын распорядился треть сотрудников различных НИИ, РАН и некоторых других учреждений, без которых процесс восстановления страны был бы долг, отправить на времен-

ное жительство на дачи, в сёла, обеспечив их необходимым для проживания набором. Он начал создавать «стратегический запас мозгов» для будущего.

К началу марта пришлось остановить деятельность Нововоронежской и Ростовской АЭС, Иркутскую ГЭС, а также Усть-Илимскую, Братскую, Красноярскую, Богучарскую, Новосибирскую и Вилюйскую ГЭС, Берёзовскую и Ириклинскую ГРЭС. Водохранилища начали автономный спуск воды, чтобы весенние паводки не разрушили дамбы. ГЭС же планировалось спустить на минимальный уровень в течении весны-осени, чтобы предотвратить прорыв и масштабные разрушения. Электроэнергии, вырабатываемой оставшимися АЭС и ГЭС ещё хватало, теплоснабжение тоже не испытывало дефицита, к тому же добыча газа и нефти велась на том же уровне, проблем в Сибири с чумой пока не наблюдалось, что было связано в первую очередь с вахтовым методом работы: зимняя вахта началась ещё в сентябре, и продлится до апреля.

Уже к середине марта было понятно, что весна будет тёплой, снега принесут половодье и многие населённые пункты останутся изолированными, поэтому Голицын заранее распорядился обеспечить эти районы максимальным объёмом продуктов и медикаментов. Водохранилища начали спускать ещё в начале марта, поэтому прорывов их бояться не стоило, а вот количество заболевших лиц начало увеличиваться, и уже многие производства из числа необходимых стали

закрывать. Это могло обернуться перебоями с продовольствием.

Голицын при свете настольной лампы изучал предложения Правительства по обеспечению продовольствием населения. План был не плох, с целью недопущения паники и скупки всего продовольствия, Правительство предлагало убрать из производства ряд деликатесов, акцентировав работу на выпуск товаров первой необходимости. К тому же предлагалось запретить приобретение товаров в большом количестве, чтобы обеспечить возможность их приобретения другими гражданами. Голицын несколько раз читал план, но, не найдя в нём ненужных пунктов, подписал. Страна уже проходила через трудности с продуктами ещё в XX века, но тогда введённая система талонов привело к перебоям с продуктами, да и производство тогда было не на таком уровне как сейчас... Голицын старался успокоить себя мыслями, что нынешние меры не приведут к проблемам с продуктами для населения. Где-то в глубине души была ещё одна мысль, которая подтверждала правильность решения, она была страшная и озвучить он её боялся даже в собственном мозгу – население умирает от чумы, так что запасов продуктов должно хватить, ведь потребляющих становится меньше. Но правда жизни горька, и именно количество не переживших чуму, спасали других от голода.

На апрель выпало самое тяжелое время для страны: все АЭС пришлось остановить, законсервировать и оставить на

долгое хранение, к тому же специалисты, имеющие опыт работы на них, таяли как снег в руках; то же самое было с ГЭС – уровень воды в них продолжал спускаться, турбины уже не работали, а на станциях оставался только персонал, отвечающий за планомерный спуск воды; фабрики и заводы, не задействованные в производстве медикаментов и продуктов питания и гигиены, тоже прекратили свою деятельность; да и смертность выросла до рекордных для России 67%. Только крематории работали на полную мощь, спасая от людей от распространения инфекции.

Уже было трудно подсчитать численность людей, оставшихся в стране. Было понятно только количество военнослужащих, оставшихся в строю. Тут была ситуация, как и с вахтовыми рабочими – чем изолированной, тем реже болезнь проявлялась там, к тому же автоматические системы, установленные на стенах, продолжали нести свою службу безотказно. Хотя и людей, пытающихся преодолеть границу было уже значительно меньше.

Чем дальше протекал апрель, тем сильнее нагнеталась ситуация – начались перебои с доставкой медикаментов и продуктов. При этом количества всего этого хватало, а вот людских ресурсов нет. К тому же количество остановленных производств и энергоблоков росло в геометрической прогрессии. К счастью аварий не наблюдалось, но критическое отношение к власти стало возрастать. Естественно самое большое количество недовольных было в Москве, хотя

перебоев с продуктами и медикаментами не было. Первые стихийные митинги начались как раз, когда остановилась последняя атомная станция.

Всё время до этого Голицын опасался, что волнения начнут прозападные течения среди молодёжи, поэтому основные силы службы безопасности были направлены на выявление в молодёжной среде лиц, данной категории. Но тут первые стихийные митинги возникли совсем не среди молодёжи, хотя и с её вовлечением. Недовольными выступили уже зрелые личности.

И как уже было сказано, первые митинги возникли после остановки последнего АЭС. Народ обращался к правительству с вопросом, что будет дальше, когда наступят холода? А на этот вопрос у Голицына ответа не было. Он знал, что нет специалистов, способных обслуживать АЭС, ГЭС, ГРЭС, да и газовые котельные тоже. Но сказать об этом людям он не мог, и врать смысла не было, потому что все понимали, что твориться вокруг. Поэтому он решил оставить без внимания эти вопросы. Может быть это была ошибка, трудно сказать. Но народ воспринял это как безразличие правительства к происходящему. Для раскачки страны хватило двух недель и уже в каждом крупном городе люди, игнорируя требования Минздрава, стали собираться на митинги, и настроения их были всё больше агрессивные. Причины недовольства в каждом регионе были свои, докатывавшиеся теме проблемами, которые были там: отсутствие медикаментов, пе-

ребои с продовольствием, изоляция, будущее страны.

Голицын был вне себя от злости, так что не мог даже усидеть на месте, расхаживал по кабинету, больше размышляя, чем обращаясь к сидевшему в кресле Молотову:

– Что же такое, Валентин? Как случилось что за две недели они все сошли с ума? Ведь до этого все как один были, все понимали проблемы, с которыми мы столкнёмся, все старались соблюдать все нормы, и мы держали процент заболевших меньше, чем все страны в мире. Тут и так голова кругом идёт, не знаешь, как дальше быть, а они ещё и проблемы новые создают. Вот чего они добьются? Только заболеет больше людей. И что мне потом делать? Я же не могу даже против них полицию или армию вывести. Как мне потом налаживать жизнь, если сейчас лишиться их доверия? И что теперь? Дать им собираться и дожидаться, когда у нас болезнь охватит всех? Вот уж не думал, что у нас такие проблемы будут.

Голицын сел на стул, рядом с Молотовым.

– Не смотри на меня, Миша, я сам не знаю, как поступить. – Не дожидаясь вопроса, ответил Молотов. – Я не думал, что такое может быть. И сейчас не могу тебе сказать, как поступить. Но тебе нужно обратиться к народу, объяснить им всё и постараться вразумить.

– Да, Валя, ты прав. Нужно. Только, что сказать им? Правду? Это же будут как взрыв. А ложь. Что даст ложь? Агонию нашего социума?

– Золотой середины тут нет. Так что, мой совет, говори, как есть, но сделай акцент на улучшение положения, да и твою роль в том, что нас не постигла участь всего мира.

Своё выступление Голицын готовил несколько дней, после чего в прямом эфире решил озвучить его. Транслировалось оно на всех теле и радио каналах. Он постарался быть убедительным, объясняя населению проблемы, с которыми столкнулся весь мир, Россия, описывая ситуацию в мире и принимаемых мерах по стабилизации ситуации в России, уделил внимание соблюдением санитарно-эпидемиологических норм, призвал граждан не делать опрометчивые и недуманные решения.

Ситуация в стране после выступления не сильно изменилась. Отмечалось уменьшение количества протестующих, но при этом сами митинги всё ещё продолжали иметь место. Самые негативные ожидания не подтвердились и в мае количество заболевших стало уменьшаться. Процент больных к концу мая упал до 38. Но, как ни странно, народные волнения стали ещё яростнее. По оценкам службы безопасности две трети населения были недовольны Голицыным. Конкретных причин не называлось, всё было расплывчато, чаще относилось к местной власти в большей степени, чем к Голицыну. В это время у народного недовольства появился лидер – бывший сотрудник одного из силовых ведомств, 42-х летний Игорь Скрамнов. В наскоро собранной информации о нём не было ничего компрометирующего, ни гром-

ких скандалов, ни увольнений, ни порочащих связей. Вообще его биография была такая же как у большинства среднестатистических россиян. Каким образом он возглавил эту «странную оппозицию», было не понятно. Но его влияние на мнение массы было велико. Список претензий был такой же, как и раньше, но он собрал все недовольства и выразил их мыслями, близкими всем протестующим:

Неправильно выбранная стратегия борьбы с болезнью, проявившаяся в изоляции России от всего мира, вместо совместного поиска лекарств.

Изоляция страны от просящих помощи людей.

Отсутствие информирования населения о первых случаях чумы, что послужило недолжному обеспечению профилактических мер и распространению болезни.

Отсутствие стратегии выхода из кризиса, вызванного болезнью.

«Информационный голод» народа.

Если судить со стороны народа, то требования были обоснованы, но обосновывались они на том основании, что люди не владели всей проблематикой этого процесса, а Голицын не имел права разглашать ряд сведений. К тому же он, как глава государства, нёс личную ответственность за безопасность страны, и принятые им меры были направлены именно на это. Но донести это до народа было очень и очень сложно. Люди же, потерявшие близких, искренне считали, что Скромнов был прав в своих тезисах.

Ситуация накалялась с каждым днём, и май выдался очень жарким во всех смыслах. И погода не жалела солнца для планеты, и болезнь начала сама собой отступать и недовольства народа было высоко.

8.

Июнь. Страна стала похожа на кипящую воду: тут и там митинги перерастали в беспорядки, привычная деятельность всех служб нарушалась отвлечением на это. Москва кипела больше всего. Голицын понимал, что ситуация вышла из-под контроля и нужно было что-то делать.

Привычная темнота кабинета, свет настольной лампы, дымящаяся сигара и аромат кофе... Голицын сидел напротив Молотова.

– Градус недовольства вырос до критической отметки, – ровным голосом говорил Голицын, – при этом недовольство вызывает не вся система правительства, а только я. Я думаю, что чем дальше мы запускаем эту ситуацию, тем труднее будет из неё выходить.

– Какой выход? Силой подавить недовольство? – Молотов говорил так же спокойно.

– Нет, это невыход. И так осталось мало людей, а столкновения с силовыми структурами принесёт обязательные жертвы, а сейчас дорога каждая жизнь. Да и в такое тяжёлое время применить силу будет кощунственно. Надо садиться за стол переговоров.

– С Скромновым?

– Да и с его командой.

– Ты же понимаешь, чего они хотят?

– Понимаю, но и другого выхода не вижу.

– Готовить встречу?

– Готовь.

Переговоры решили назначить на символическое 12 июня. В Кремле встречаться отказались сторонники Скромнова, опасаясь силовой операции со стороны власти, поэтому решили устроить встречу в Останкинской башне.

Со стороны правительства был Голицын, Молотов, вернувшийся в Москву, полковник Лазарев, Скромнов же привёл с собой троих человек, чьё положение среди оппозиции было трудноопределимым. Первым начал Голицын:

– Игорь Николаевич, нынешняя ситуация в стране недопустима, и то, что происходит на улицах городов мне не понятно. Вы, как лидер оппозиции, должны осознавать сложившуюся ситуацию и её последствия. Мне не понятны причины волнения.

– Михаил Владимирович, то, что сейчас происходит в стране, зародилось до того, как народ выбрал меня представителем. Вы знакомы с нашими претензиями?

Голицын утвердительно кивнул.

– Так вот, это не мной придуманные проблемы, это то, что волнует народ. Те вопросы, на которые вы не дали ответы. И нам бы очень хотелось получить на них ответы.

– Хорошо, Игорь Николаевич, я отвечаю на ваши претензии. И так, первая, указанная вами претензия «Неправильно выбранная стратегия борьбы с болезнью, проявившаяся в изоляции России от всего мира, вместо совместного поиска лекарств». Моя позиция, как главы государства, такова: ни одно государство нашей планеты не смогло найти способа лечения лёгочной чумы, при этом наша разведка активно работала по получению информации в этом направлении, и я с уверенностью могу сказать, что все попытки медицинских учреждений по всему миру не увенчались успехом. При этом у нас не было сведений, которые могли бы помочь другим странам в поиске лекарства. Да к нам и не обращались иные страны с просьбой о помощи в этом направлении. Второе: «Изоляция страны от просящих помощи людей». Это всецело моё решение, которое объясняется тем, что миграция людей из других стран в нашу – это более быстрый способ переноса болезни к нам. И, как показывает практика, нам удалось сдержать болезнь, Россия единственная страна, не лишившаяся своей государственности и целостности, при этом нам пришлось пойти на крайние меры по отношению к людям, которые пытались вопреки предупреждению пересечь границу. Это действие своё я считаю правильным и оправданным. Третье и пятое: «Отсутствие информирования населения о первых случаях чумы, что послужило недолжному обеспечению профилактических мер и распространению болезни и «Информационный голод». Это меры, предпри-

нятые для профилактики паники. А то, что болезнь, вопреки нашим действиям, всё же распространилась... это нам не подвластно, вирусам и бактериями не поставишь заслон. Что там ещё, а «Отсутствие стратегии выхода из кризиса, вызванного болезнью». Да тут вы правы, в сложившейся ситуации строить долгосрочные планы нецелесообразно, наша задача – обеспечение населения продуктами, медикаментами, теплом, одеждой, соблюдение конституционных прав наших граждан. Я бы хотел узнать ваше виденье будущего страны.

Скромнов, сел поудобнее:

– Мне понятны ваши действия во возникшей ситуации, но при этом мы не согласны с принятыми мерами по отношению к мигрантам, а именно силовое решение данного вопроса, к тому же идея изоляции регионов очень схожа с образованием карантинных зон, в которых просто фиксировалась смертность, а не предпринимались лечения людей. Ваш взгляд на ситуацию в корне не прав, вы поступаете без оглядки на людей, не желание сотрудничать с другими странами и привело к тому, что каждый стал отдельно бороться с болезнью.

– Вы серьезно считаете, что нужно было открыть границы и спасти мигрантов, рискуя жизнью населения?

– Проводить отбор людей, те кто без симптомов, могли бы пройти в страну.

– Вы думаете, это так легко, – в разговор вмешался полковник Лазарев, – вы понятия не имеете о симптомах болез-

ни на ранней стадии, да и как вы собирались это организовать?

– Не переходите на эмоции, полковник, – спокойно произнёс Скромнов, – я не ставлю этот тезис во главе угла. Я высказал мнение людей, чьи родственники остались по ту сторону стены. Вы правы, я не компетентен в этом вопросе, но медиков у нас хватает, чтобы решить эту проблему.

– Ну раз это не главный ваш тезис, Игорь Николаевич, – продолжил Голицын, – хотелось бы услышать главный.

– Стратегия выхода из этой ситуации.

Голицын понимал, что на этот вопрос чёткого ответа нет, стратегия не была выбрана, да и не было понятно на чём её основывать. Но говорить это было нельзя.

Переговоры затянулись на долгие пять часов, при этом каждая сторона так и не назвала стратегию выхода из кризиса, видимо, боясь, что другая возьмёт её пункты себе на вооружение. Потом были ещё переговоры, и ещё, и ещё. Но толку с них не было, а вот негативное отношение со стороны населения всё возрастало и возрастало.

Через неделю после первых переговоров собрались опять.

– Скажите, Игорь Николаевич, какие у вас требования?

Вопрос поставил Скромнова в ступор, видно было он не ожидал прямого вопроса, да и Голицын устал играть в кошки-мышки с ним, понимая, что чем дальше, тем сильнее недовольство народа и просто так обсуждать их претензии, без чего-либо конкретного было глупым.

– Ваша отставка, Михаил Владимирович, новые выборы, новая стратегия развития страны.

– Ваша стратегия.

– Да наша.

– Которую вы так и не озвучили ни на одной из встреч.

– Да, вы правы.

– Я так и думал. Что же раньше не сказали, а ходили вокруг да около?

Что ответить Скромнов не нашёл. Видно было, что вопрос был ему не удобен, а лгать он не хотел. Всё же было в нём что-то благородное, какое-то чистое стремление к лучшему, огонь в глазах и не жажда самоутвердиться или нажиться, а желание помочь всем. Как, он ещё и сам не понимал.

– Тогда слушайте, Игорь Николаевич, я готов уйти в отставку, хотя у меня достаточно сил и средств, чтобы задавить митинги. Но я не буду это делать, потому что нас и так осталось мало, а людские ресурсы – это дефицит. Но у вас нет опыта управления страной и оставить вам её для экспериментов я не могу. Предлагаю вам сделку: я слаживаю свои полномочья, но вы, формируя своё правительство оставляете советником Молотова, министром здравоохранения ставите полковника Лазарева, министра обороны и всё его ведомство оставляете без изменений. Остальные – это ваши желания.

Видно было, что Скромнов не ждал такого поворота, но быстро справился со своей растерянностью.

– Я согласен, Михаил Владимирович, с вашими условиями.

За столом все оживились. Даже сторона Голицына не ждала такого поворота событий.

– Завтра я объявлю о сложении с себя полномочий и передам временное правление страной вам, пока не проведёте выборы.

Голицын встал и протянул руку Скромнову, тот пожал в ответ, после чего делегация действующего правительства покинула Останкинскую башню.

Уже в кабинете, оставшись вдвоём с Молотовым, Голицын смог расслабиться, выпить кофе, и закурить сигару. Кофе пил и Молотов.

– Миша, ты осознаешь, что сделал? – Молотов говорил спокойно, но в голосе его слышались взволнованные нотки.

– Да, Валентин, полностью. Сейчас сложилась такая ситуация, что мои попытки удержаться в кресле президента обернуться гражданской войной. А этого на фоне ослабленной эпидемий стране не нужно. Но и оставить этим дилетантам управление страной я не могу, поэтому на ключевые позиции выдвинул вас. Скромнов не создаёт впечатление самодура и идиота, я думаю, что он послушает советы людей, которые имеют огромный опыт в управлении страной, и тебе, Валентин, здесь уготована самая важная роль – координация его деятельности.

– Почему не ты? Вполне можешь быть тайным советни-

КОМ.

– Нет, не хочу. Устал уже сильно, вымотался, да Скромнов не рискнёт меня держать рядом, боясь такой же участи, как я.

– И что теперь? Куда ты?

– Не знаю ещё, уеду из Москвы с семьёй, будем жить где-то далеко от людей, крупных городов.

Молотов выпил кофе, снял очки и потёр глаза:

– Вот уж времена настали, даже в страшном сне не придется.

– Что там с заболевшими?

– Общее количество заболевших двадцать три процента, из числа больных выздоравливает около шестидесяти процентов.

– Это хорошо. Значит всё не бесполезно.

Оба сидели и молчали. Слишком долго они знали друг друга, чтобы говорить. Голицын пил кофе, наслаждаясь его горечью, чувствуя обиду, смешанную с облегчением. Ожидание будущего совсем не томило его, хотя он даже не знал, что будет теперь делать. Молотов же наоборот, думал, как он сработается с новым президентом. Наверное, он тоже ушёл бы вслед за Голицыным, но судьба готовила ему другую жизнь. Жизнь наполненную ответственность за страну, которую они строили вместе с ещё действующим президентом, страну, которая стала смыслом его жизни. Семьёй он так и не обзавёлся и его жизнь строилась вокруг Кремля. Где-то внутри он был очень благодарен Голицыну за возможность

остаться в той среде, к которой он привык. Ведь он даже не знал, что делать и как жить, если не будет этих государственных дел. Часы показывали уже десять вечера. Завтрашний день обещал быть тяжёлым...

9.

Голицын, как и обещал, сложил с себя полномочия президента, назначив временно исполняющим обязанности Скромнова. Вместе с ним вошёл свой кабинет.

– Ну вот, Игорь Николаевич, теперь это ваш кабинет.

– Спасибо, Михаил Владимирович.

– За что?

– За понимание и доверие мне и нашим идеям. Вы увидите, что не ошиблись. Своё слово я сдержу и люди, которых вы посоветовали, займут место в новом правительстве.

– Они имеют огромный опыт и будут полезны вам в строительстве новой страны.

– Куда вы теперь?

– Не знаю, Игорь Николаевич, хочу подальше от Москвы, куда-нибудь на юг, начать новую жизнь, может быть, даже крестьянскую.

Скромнов кивнул головой в знак понимания. Протянул руку Голицыну, тот, пожав её, вышел из своего бывшего кабинета и, не оборачиваясь, пошёл в сторону выхода.

На следующий день семья Голицына, а это кроме жены и сына ещё дочь с мужем и двумя детьми, собирали вещи в

стоящий около дома американский Ford, переделанный под дом на колёсах. Складывать решили только нужные вещи, в основном одежда и документы, продукты питания и вода. Сам же Голицын достал из сейфа подарок премьер-министра Италии – гладкоствольное ружьё Beretta SO5. Никто не знал, что и как сложится в новой жизни. Куда ехать пока ещё Голицын не решил, но, понимая сложившуюся ситуацию, знал, что на юге будет много пустующих домов. Молотов с самого утра был рядом, болтал с семьёй Голицына, иногда посматривая на бывшего президента. Улучив момент, он взял Голицына под руку и отвёл в сторону.

– Вот, – он протянул Голицыну карту, – я и в навигатор координаты уже вбил и на карте отметил. Я до всей этой ситуации построил из сруба домик. Думал в отпуске, а потом на старости лет там жить буду, охотничий домик, с минимум благ цивилизации, но всё же.... Увидишь, там всё сделано, чтобы жить, газ, электричество и водоснабжение не провёл, но что уж там. В общем едь туда. Это теперь твой дом. Вот, это ключи от двери, остальные все ключи в доме. Раньше там охрана была, потом сняли, так что как там и что я не знаю. Хотя я думаю всё там в порядке, он стоит так, что ни с воды, ни с суши его не видно, если только не знать, что там дом.

Комок в горле не дал Голицыну сказать ничего в ответ, взяв карту, он обнял Молотова. Старый друг и в этот раз нашёл решение его проблемы.

Во двор въехал чёрный правительственный джип, из ко-

торого резво выскочил Лазарев.

– Михаил Владимирович, слава Богу, что я успел. Как-то не хотелось, чтобы вы уехали так быстро, но что ж.

Из дома вышла семья Голицына, став у трейлера, молча смотрели. Лазарев кивнул им. После чего опять обратился к Голицыну:

– Михаил Владимирович, я не отниму у вас много времени, – он вернулся к машине и взял из салона саквояж, – я знаю, как вы любите кофе и сигары. Вот это вам, – он протянул саквояж, – это лучшее, что я смог найти.

Голицын взял саквояж и протянул руку Лазареву.

– Спасибо, полковник, удачи вам в нелегком труде.

– Спасибо, Михаил Владимирович, удачи и вам в новой жизни.

Он ещё раз кивнул семье Голицына и, вернувшись в автомобиль, уехал.

Через час вещи были собраны, Молотов тепло попрощался со всеми членами семьи, прослезился, обнимая Голицына. Трейлер отправился в путь, оставляя Молотова одного во дворе бывшего президентского дома. Теперь пути Молотова и Голицына разошлись, и каждого ждали новые жизненные испытания и проблемы.

Впервые за долгое время Голицын ехал за рулём сам, ни службы охраны, ни спецмашин, ни привилегий на дороге. Он посмотрел на навигатор – дорога вела на юг, чуть больше тысячи километров, не так и далеко. Он посмотрел в зеркало

заднего вида – семья старалась держаться, но было видно, что им всем не по себе. И только внуки радостно рассматривали всё из окон, для них проблемы не существуют, а этот вынужденный переезд всего лишь новое приключение. Голицын улыбнулся и сильнее нажал на газ.

Да, можно было остаться и в Москве, но в голове Голицына закружилась мысль о безопасности семьи, ведь людей, которые его считали виной всему и ненавидели было не мало. Да и что им делать в Москве? Идти работать таксистом или в офис? Нет, всё это было не то. Единственным верным решением было уехать и начать гражданскую жизнь, вдали от всех.

Трейлер выезжал к окраине Москвы и сложную эпидемиологическую ситуацию можно было оценить только по уменьшению движений на дороге, в остальном же обстановка была вполне нормальной. Всё равно где-то внутри была мысль о том, что это бегство, но другая сторона сознания говорила о том, что бороться дальше не было смысла, сейчас, по крайней мере, он имеет возможность уехать, а в случае активного сопротивления он мог последовать путём многих диктаторов XX века.

Из Москвы они выехали довольно быстро и там уже движение было ещё меньше. Дорога по бокам была огорожена щитами, поэтому рассмотреть что-то по сторонам было трудно, семья постепенно начинала засыпать. Включив негромко музыку, Голицын выдохнул: какое-то ощущение опасно-

сти было в Москве, а сейчас становилось спокойнее и будущее уже не казалось каким-то неопределённым. Был дом, была семья, было чем заняться. Конечно они потеряют многие блага цивилизации, но с другой стороны, они теперь вместе. За годы правления страной и государственной службы он отстранился от семьи, потерял какие-то семейные ценности, увлечения и занятия всех членов семьи стали ему неизвестны, он ловил себя на мысли, что знает об этих людях минимум информации. И сейчас наступало время всё это исправить, узнать их ближе, научиться что-то делать вместе, а не давать указания, восполнить все те дни, когда он не был с ними. Эта мысль дарила Голицыну новую цель в новой жизни. Отношение к миру стало меняться, как и осознание всего происшедшего. Он искренне считал, что сделал всё, что от него зависело по спасению России, но, видимо, не все это оценили, а может быть просто устали от него и хотели видеть новые лица во главе страны.

За этими мыслями Голицын не заметил, как выехал уже из Московской области. К реальности его вернул заградительный пост на дороге. Перед ним выстроилось не больше десяти машин и военные не спеша проверяли документы и пропускали машины. Когда пришла очередь трейлера Голицына, то проверяющий их майор аж вздрогнул, взяв паспорт Голицына. После чего закашлялся, вытянулся по стойке смирно и громко произнёс:

– Здравия желаю, товарищ президент!

– Здравия желаю, товарищ майор, – ответил Голицын, – только я уже не президент. – Голицын улыбнулся.

Майор растерялся, видимо он знал, что Голицын сложил свои полномочия, но увидеть его здесь на пункте пропуска он явно не ожидал. Но смог взять себя в руки, провёл необходимую проверку и вернулся к Голицыну:

– Михаил Владимирович, разрешите личную просьбу?

– Слушаю вас, товарищ майор.

– Разрешите с вами совместное фото и в блокнот вашу подпись.

Голицыну очень понравилось, что майор заменил слово «автограф» на слово «подпись», да и его уважение было приятно. Поэтому без лишних слов он вышел из трейлера, сделал несколько фото с майором, расписался ему в блокноте, после чего продолжил свой путь на юг. Сам он за рулём так долго никогда не был и опасался, что может уснуть, но мысли не давали сну ни шанса. В голове всё прокручивал и прокручивал свои действия, стараясь понять где и как совершил ошибку, вылившуюся в смещение его с поста. Но видимо субъективная аналитика не могла дать оценку произошедшего и показать ту точку. В какой-то момент Голицын осознал, что он уже не в системе и забивать голову этими мыслями нет смысла. Что сделано, то не изменить.

Солнце палило уже нещадно, в трейлере было прохладно и комфортно, все спали, а трейлер продолжал катиться по магистрали. По подсчётам Голицына к месту они долж-

ны приехать ночью этого же дня. Он надавил на газ, какая разница попадёт ли он в объектив фото радаров. Номера всё равно не значились ни в одной базе, как и другие правительственные машины. Да и отслеживать его никто не будет. Если бы хотели, то ещё в Москве или на выезде убрали бы.

Вот и огороженная магистраль сменилась на обычную, без ограждения. Постамент «Ростовская область» был уже пройден, теперь оставалось совсем не много. Солнце уже клонилось к закату, семья проснулась и с любопытством рассматривала из окон местность. Поля, небольшие лесополосы, указатели населённых пунктов, опять поля, вышки мобильной связи, ветряные электростанции. В дороге решили всё же не останавливаться, причём Голицын не стал озвучивать свои опасения про преследования, сказав, что хочет успеть попасть к месту за светом, поэтому еле на ходу. Остаток пути они преодолевали уже в темноте, но навигатор вёл их без каких-либо колебаний уже по грунтовой дороге, в свете фар были только деревья, стоящие по обочинам, кустарники и трава. Да и сама дорога создавала впечатление тоннеля, поэтому ехали не быстро. Ещё до полуночи в свете фар оказался невысокий деревянный забор, массивная калитка и ворота.

– Всё, приехали. – Сказал Голицын. – Я пойду ворота открою, посмотрю где машину поставить, потом и вы выйдете.

Голицын вышел из автомобиля и, подсвечивая себе дорогу фонариком подошёл к калитке. Ключ в замке повернулся

легко, и он вошёл во двор. Свет в окнах дома не горел, да и на всей территории не были видно света. Он прошёлся по двору, позвав громко охранников, но ему никто не ответил. Обойдя дом, он не увидел ничего подозрительного и, вернувшись обратно, открыл ворота и загнал трейлер во двор. Ночь решили провести в трейлере, а уже утром осмотреть дом. Дорога вымотала всех, поэтому уснули быстро, даже не став ужинать.

Рассвет скрылся за листвой деревьев и поэтому проснулись они уже ближе к восьми утра. Выйдя из трейлера, стали осматриваться в новом месте, изучая своё новое жилище. Дом был из сруба, ещё медово-коричневого цвета, с небольшими трещинами в брёвнах, сам дом был большого размера с одним этажом и мансардой, вход в него открывала массивная дверь, окна со лицевой стороны были большие, стилизованные под старину. С другой стороны, дом заканчивался большой верандой, державшейся на массивных деревянных столбах. Дальше за ней из такого же сруба стояла баня, выходящая как раз на помост у реки. Голицын вышел на помост, его глазам открылся изгиб реки, широкий со спокойной водой, с крутым противоположным берегом, поросшим соснами и камышом. Не трудно было понять, что сейчас они находятся в районе изгиба реки, причём место, где они теперь будут жить действительно защищено от посторонних глаз. Часть берега, где стоял дом, по сути была меандром, на котором кроме смешанного леса ничего не было, ни других до-

мов, ни каких-то построений. Зато имелся родник, заботливо выкопанный в земле и выложенный из камня, так что получившейся колодец был до верху наполнен водой, которая ручейком вытекали из него и стремилась к реке. Сам дом и его двор был заметен, скорее всего только с воздуха, поэтому единственное место, которое выступало из леса – это был причал, он же был и помостом к бане. Рядом с ним на берегу стояла небольшая металлическая лодка. Сколько хватало глаз – следов присутствия людей не было. Голицын вернулся к семье, они уже тоже осмотрели двор и ждали, пока он откроет дом.

– Что это за место? – Спросил его сын.

– Этот охотничий домик построил Молотов для себя, но подарил его нам. Река, которую вы видите – это Северский Донец и мы с вами в Ростовской области, в самом её центре. – Ответил Голицын.

Больше и рассказывать было нечего, да и сам он большего не знал, поэтому все пошли осматривать дом внутри.

Массивные деревянные двери легко отперлись ключом и легко отворились перед новыми хозяевами. Как и положено первым их встретил небольшой коридор, за которым была просторная комната, с массивным деревянным столом, такими же лавками и печью, стоящей посредине дома. Печь вызвала удивление абсолютно у всех: выполненная в стиле русской печи, но при этом на ней имелась чугунная плита внушительных размеров. Слева от печи была дверь, открыв ко-

тору, они увидели изолированную комнату, с деревянной широкой двуспальной кроватью, стоящей посередине, шкафом около стены и небольшим деревянным столиком, стоящим как раз около окна, выходящего в сторону реки. С другой стороны, была такая же комната, но чуть меньше размером, зато перед ней было небольшое помещение, которое все сразу же оценили, как самое романтичное – небольшая комната таила в себе большую чугунную ванну, выполненную в европейском стиле XIX века, широкая, длиной около двух метров, с поднимающейся вверх спинкой, а в «ногах» ванны находился камин, являющийся частью всё той же печи из главной комнаты. Второй этаж состоял тоже из двух комнат, окна которых выходили на две стороны дома, скошенные потолки создавали уют в них, а свет, падающий под углом, наполнял эти комнаты неповторимой атмосферой. Домик хоть и был охотничий, но всё же сделан был со вкусом. Всё из дерева, сохранившее ещё свой естественный запах.

В самой большой комнате первого этажа, которую сразу же называли столовой, при дальнейшем осмотре обнаружили за лестницей дверь, ведущую в подвал. Спускаться туда пришлось с фонариками и, когда спустились, то увиденное обрадовало их: подвал на весь периметр дома, в середине стоял стеллаж, на котором соседствовали друг с другом различные консервы в жестяных банках, по бокам у стен в деревянных ящиках лежали картофель, свекла, морковь, капуста и еще много различных овощей, стены же были опоясаны полками,

на которых стояли стеклянные банки с закупоренными в них овощами, компотами, салатами, вареньем и ещё чем-то.

– Нам этого хватит, по крайней мере до следующего года. – Осматривая полки, произнёс Голицын.

Ещё одним приятным сюрпризом стало то, что запасливый Молотов привёз сюда много необходимой для приготовления пищи кухонной утвари. К тому же в доме обнаружилась ещё и небольших размеров кладовка, в которой аккуратно были сложены большие пакеты с крупами, мешки с солью, сахаром и мукой.

Первую половину дня потратили на выгрузку вещей из трейлера и обустройства жилья. Дочь с зятем и детьми выбрали себе спальни в мансарде, сын выбрал большую спальню на первом этаже, а Голицыну с женой осталась спальня, граничащая с ванной. Свой небольшой багаж они разложили быстро, пообедав оставшейся у них провизией, они решили продолжить осматривать свой новый дом.

Видно было, что в нём останавливались несколько раз, но толком обжит он не был, тем не менее подготовлен он был основательно. За баней обнаружился большой, укрытый от ненастной погоды дровник, причудливо спрятанный в кустах и видимый только, с одной стороны. С другой стороны, в деревьях спрятался «домик неизвестного архитектора», более известный как туалет. Мелкая поросль во дворе была убрана, оставлены лишь крупные и молодые деревья, двор не выстилали ни камнем, ни асфальтом, оставив таким как есть.

Выходящие к реке края двора не были расчищены, между плакучих ив и молодых дубов обильно рос камыш. Такая же природа просматривалась и на противоположном берегу. Когда осмотр двора был окончен, решили прогуляться по окрестностям.

Как оказалось, к дому вела одна единственная дорога, окружённая диким лесом, состоящим из хвойных и лиственных деревьев, кустарников почти не было, а вот мелких деревьев – полным-полно. Пройдя немного, они увидели с правой стороны опушку, выйдя на которую к своему удивлению увидели песчаные насыпи.

– Прямо место для огорода. – Задумчиво произнёс Голицын, и, посмотрев на семью, добавил. – Этот год у нас есть запасы, но ведь и мы тут не на год.

10.

Первая неделя жизни в охотничьем домике была на удивление спокойной и тихой. Все привыкали к новому месту жительства, обустроивали свой быт, обследовали территорию. Было похоже на какое-то приключение в стиле «игры на выживание». И, как ни странно, даже не возникали вопросы о том, когда сможем вернуться к привычному образу жизни, не было напряжённой тишины или вздохов о прошлом. То ли смена обстановки пошла всем на пользу, то ли все понимали, что произошедшее в мире – это лишь часть сложностей и сейчас проще выжить тут, самим, чем в больном и нужда-

ющемся городе, который сейчас сам становится хищником. Наверно, эта мысль была той успокоительной пилюлей для Голицына: его семья сейчас хоть и не живёт в апартаментах, но в большей безопасности, чем если бы продолжали оставаться в городе. Здесь был только их мир, окружённый лесом и рекой, спрятавший их от посторонних глаз, от болезни, от преступников, от страха и от проблем, которые навязывает город.

Вечером решили поужинать на улице, сын и зять растопили костёр, на котором женщины зажарили пойманную в реке рыбу, добавили к ужину консервированных овощей и вина. Когда ужин уже закончился все сидели около костра, ночь постепенно опускалась на землю, тем более в лесу она приходила даже чуть быстрее. Легкая прохлада уже касалась спин, а лицо ещё помнило тепло костра... Первый нарушил тишину Ратмир:

– Я уже неделю думаю над вашими словами, Михаил Владимирович, – он хоть и был не первый год женат на дочери Голицына, но всё ещё продолжал называть его по имени-отчеству, – у нас вроде бы здесь всё есть, чтобы прожить этот год, а вот для того, чтобы жить следующие года у нас нет необходимого. Понятно, что рыбу мы наловим, уток или ещё какую птицу тоже, грибы по осени. Ну и всё что можем. Конечно для обеспечения жизни организма нам этого хватит, но в действительности этого мало. Если позволите, я выскажу как вижу решение этой проблемы.

– Мы слушаем. – Ответил ему Голицын, усмехнувшись про себя, что даже на «необитаемом острове» Ратмир всё равно останется физиком-теоретиком.

– Так вот, – продолжил Ратмир, – я тут записал минимум того, что нам нужно, кроме того, я посмотрел навигатор и обнаружил, что в пяти километрах от нас есть небольшая деревня. Если там есть люди, то мы можем купить у них то, что нам надо, ну или, если деньги не нужны, обменять на украшения, они же золотые.

Да, всё гениальное просто. И до этого гениального додумался первым Ратмир. Как бы это не было странно, человек всё время, преподававший теорию физики в академии, на практике оказался более сообразительным, чем все остальные. Голицын протянул руку и взял список: семена (злаковые и овощи, можно фрукты может даже саженцы), садовые инструменты (лопаты, тяпки, грабли, вилы, всё что найдётся), проволока, пластиковые трубы, различные пилы, в том числе по металлу, гвозди... Список ещё продолжался, Голицын его просмотрел вскользь.

– А трубы пластиковые нам зачем? – Спросил он.

– Полив огорода будем делать. – Ответил Ратмир.

– В трейлере ещё есть немного бензина, на пару поездок хватит, так что давайте завтра разгрузим его по максимуму и ближе к обеду поедем. – Заключил Голицын.

Возражений не было.

На следующий день с первыми лучами солнца, а в ле-

су они появляются чуть позже обычного, начали разбирать трейлер, сняв всё, что можно было снять, чтобы освободить место. И ближе к обеду Голицын и Ратмир на трейлере двинулись к деревне, Степана решили не брать с собой, чтобы остался мужчина охранять дом, да и мать побоялась отпустить его. К тому же дома оставались внуки – Минька и Санька, которых и в городе было опасно оставлять вдвоём, а тут уж и подавно.

Ехать долго не пришлось, даже по грунтовой дороге доехали быстро. Трудно назвать это деревней или селом, больше подходило на одиноко стоящие дворы. Всего их было 5. Остановились у первого. Сначала вышел Голицын, держа ружьё на перевес, за ним вышел Ратмир.

Тишина. Ни лая собак, ни голосов, ни чего. Это больше пугало, чем успокаивало.

– Есть кто живой! – Крикнул Голицын.

В ответ тишина.

– Мы пришли с миром! – Прокричал он ещё раз. – Нам нужно немного, и мы готовы купить.

Опять тишина.

Толкнув калитку, они вошли в первый двор. Прямо у входа стояла конура, цепь и расстёгнутый ошейник лежали на дорожке. Голицын не спеша прошёл в середину двора и ещё раз позвал – ответа не последовало. Он прошёл к дому – деревянный, построенный на скорую руку (это было видно по окнам, расположенным на разной высоте), снаружи зама-

зан глиной, которая в некоторых местах уже отвалилась, оголив обрешётку. Ближе к дому начал чувствоваться сладковато-тошнотворный запах. Двери были заперты изнутри, да и входить не было желания. Подойдя к окну, Голицын посмотрел в него и тут же отпрыгнул.

– Что там? – спросил Ратмир.

– Там всё окно в мухах. Думаю, в доме труп или трупы. – Глотая слюну проговорил Голицын. – Давай лучше осмотрим другие дома.

Вот сейчас становилось по-настоящему жутко, нет, не из-за трупа, который разлагался в доме. А от того, что мозг стал понимать сколько таких домов, деревень, может быть городов, где покойники, не дождались своего захоронения, вот так лежат, распространяя заразу. Голицын не помнил долго ли в мёртвом теле живёт чума, но само осознание этого было ужасным. Вспоминая растёгнутый ошейник, он понимал, что, видимо хозяин, чувствуя скорую кончину, решил спасти животное от голодной смерти. Даже перед глазами смерти люди остаются гуманными. Осмотрев сараи, стало понятно, что освобождённая собака была единственным животным в этом дворе, и, скорее всего, хозяин был стар.

Разумно решили, что никому уже не пригодится имущество «умерших дворов», Голицын предложил осмотреть все, а потом взять всё что нужно. Из пяти домов два оказались «умершими», остальные закрыты и оставлены. Ни животных, ни следов людей не было. Видимо, когда чума коснулась

этого уголка, не заразившиеся решили покинуть это место. А может и нет, может эти люди умерли от старости, а другие дома покинули раньше, например, уехали в районный центр или город какой-нибудь, а тут как дача на лето. А в связи с пандемией не до дачи. Может и так. Ратмир посчитал, что в этом случае будет кража вещей, а вот в «умерших дворах» взять можно. Посчитав это логичным, начали сбор необходимого в двух дворах. Этим и отличался сельский двор от городского – тут было всё, что нужно и даже больше. Список «садово-огородной утвари», как назвал это Ратмир, собрали быстро и без проблем, забрав всё что было цело. Ориентироваться приходилось по ходу, уже на тот момент было понятно, что это не последняя прогулка в «мёртвую деревню», поэтому всё, что было тяжёлым грузили в трейлер, оставляя то, что потом можно перенести руками. Единственное, что не удалось найти, так это семян, зато нашлась небольшая сеть для ловли рыбы, старые и порванные раколовки, большой запас соли, чугунная плита от угольной печи (Ратмир предложил её установить на улице, чтобы готовить было легче), пластиковых труб не оказалось, да и железных не было. А в остальном улов был богатый. Трейлер заметно присел, поэтому решено было ехать обратно, чтобы довезти, а не нести потом полдороги.

Дорога обратно далась легче, хотелось быстрее покинуть «мертвую деревню», какое-то неприятное чувство было, что кто-то смотрит в спину. И от него по коже бежал холодок. Го-

лицын передал управление трейлером Ратмиру, а сам на всякий случай держал ружьё на изготовке. Вернулись за светом, без приключений и происшествий, но всё же увиденное оставило в памяти неприятные воспоминания. Желания идти ещё раз туда не было, хотя и понимали, что всё же надо. А кроме того надо было раздобыть семена на посадку в следующем году. К счастью часть крупы, которую припас Молотов, уже отделили для этих целей.

На ближайшую неделю была работа – починить сеть и раколовки, наточить лопаты, тяпки, привести в порядок остальные «приобретения». За это время сложили уличную печь, даже получилось из камня и глины сложить тандыр. В деревню не ходили, вроде бы и не было нужды, да и впечатления были не из приятных. Постепенно обязанности в семье стали разделяться: мужчины были заняты добычей провианта, заготовкой дров; женщины же готовили пищу, стирали вещи. Вместе только подготавливали импровизированный огород на песчаном пустыре.

Август уже подошёл к своей середине, бензин в трейлере был израсходован полностью, последние гаджеты сели, поэтому машину решили разобрать для технических хитростей Ратмира. Основная часть работ была произведена, несколько раз ещё сходили в «мёртвую деревню», пришлось с собой взять и Степана, так как нужны были свободные руки. Да и его любопытство пригодились – в огородах нашёл дико выросшие помидоры, куст огурцов и тыкву. Решили собрать

плоды и на следующий год вырастить их у себя, в добавок к этому нарезали виноградной лозы, выкопали молодые побеги яблони, сливы, вишни, смородины, ещё какие-то цветы, с оставшихся по срывали семена.

Сидя вечером у костра (так уж повелось, семейная традиция что ли), строили планы на следующий год.

– Я вот, что подумала, – оторвавшись от кружки с травяным чаем сказала Таисия, – у нас муки и яичного порошка до лета хватит, потом нет. Из чего хлеб будем печь?

– Чем можем заменить? – спросил Голицын дочь.

– Не чем. Нужно искать пшеницу и яйца, ну или кур.

– До того, как сел навигатор, я смотрел окрестности, – подхватил тему Степан, – там за рекой есть поля, не могу сказать точно, как далеко, но не думаю, что больше пары-тройки километров. Есть вероятность, что они не были убраны после посадки, ну или не полностью, может быть где-то на краю поля остались колосья.

– Может быть и так, я считаю, что нужно посмотреть. – Заключил Голицын. – Завтра и посмотрим, что там и как.

– Раз я это предложил, – тут же сказал Степан, – то я пойду тоже.

– А тут кто останется? Нет. Мы с Ратмиром сами пойдём. – Отрезал Голицын.

– Так не честно, я уже не ребёнок, да и где поле я только помню, а вы там блуждать будете. Лучше ты дома останься. Или Ратмир.

– Нет. Лучше будет как я скажу.

– Пап, ну что там может случиться? Я же не в деревню иду, там и опасностей нет никаких. Ну что мне теперь до смерти тут сидеть безвылазно?

Голицын посмотрел на сына: вроде физически развит, даже выглядит больше своих 15 лет, а лицо так и осталось по-детски милым, глаза горят как у ребёнка при виде новой игрушки. Ему стало даже немного смешно смотреть на то с каким рвением сын хочет окунуться в этот новый мир.

– Хорошо, тогда пойдём мы с тобой, а Ратмир останется за главного.

На том и порешили. Утром следующего дня Голицын со Степаном сели в лодку и поплыли к противоположному берегу. Течение реки не было сильным, поэтому плыли спокойно. Около берега оказалось, что есть ещё два острова, которые изначально приняли за заводь. Их отделял от берега небольшой пролив. Осмотрев его решили, что было бы неплохо поставить тут сети и раколовки. Лодку вытянули на берег почти на половину, после чего привязали к дереву. Подниматься приходилось по крутому склону. Песчаник осыпался под ногами и подниматься было тяжело. Преодолев подъём, они вышли в такой же лес, какой и был вокруг их дома. Только идти тут приходилось через поваленные деревья, молодую поросль, кустарники и траву. Быстро идти не было возможности, много сил тратилось на расчистку дороги. В лесу было влажно, жарко, кружилась мошкара, да ещё и тра-

ва попадалась колючая и обжигала открытые участки тела. Идти пришлось почти час. К тому моменту, когда лес стал редеть, оба были мокрые и тяжело дышали. Отдыхать решили потом, поэтому пошли дальше, несмотря на усталость.

Расчёты Степана оказались верны. Примерно через пару километров они пересекли лесополосу и вышли к полю. Скосить его действительно не успели, много пшеницы было повалено ветром, много росло сорной травы. На краю поля решили сделать привал. Голицын смял траву, в это время Степан раскрыл рюкзак, достав оттуда провизию и воду.

– Пока погода позволяет нужно набрать зерна как можно больше, – проговорил с набитым ртом Голицын, – часть посею весной, а часть на муку перемелем.

– У нас же мельницы нет. Камнями мелить будем что ли?

– Камнями. А чем же ещё? Учил по истории как древние люди жерновами зерно мололи? Вот так и мы, если Ратмир ничего не придумает более простого.

– Ну да. Может конечно и придумает. Хотя зимой особо делать нечего.

– Ничего и на зиму придумаем что-нибудь.

Поев, они с края поля стали ножами рубить пшеницу, складывая колосья в принесённый с собой мешок. Когда мешок был уже полон пошли обратно.

– Нужно из дома взять топоры в следующий раз, чтобы тропинку прорубить. – Проговорил Степан.

– Нужно. И лестницу какую может связать, чтобы на бе-

регу не лезть по песку. – Добавил Голицын.

– Сегодня ещё пойдём за пшеницей?

– Нет, эту отвезём, возьмём топоры, пилы и постараемся до вечера расчистить тропу.

С мешком идти было ещё труднее, поэтому шли дольше. А вот спускаться оказалось легче, чем лезть вверх. Плыть назад оказалось тоже не трудно. Поэтому, пообедав, решили все втроем пробивать тропу. До самого вечера они стучали топорами, пилили деревья, оттаскивали их с дороги. Солнце начало опускаться за горизонт, но тропа была ещё не готова, да и лестницу не сделали ещё. Поэтому и следующий день был продолжением предыдущего. К концу третьего дня уже была хорошая, проходима тропа, из срубленных деревьев сбили лестницу. Всё было готово для жатвы. За это время дома женщины сшили из двух мешков один. Так легче было нести, да и помещалось больше. Решили ходить по двое, при этом после каждого похода кто-то один менялся, оставаясь «на заставе» – так стали называть свой дом. Во дворе дома расстелили несколько покрывал, на которые сваливали колосья, которые тут же и молотили все вместе. За три дня похода набрали нужное количество пшеницы, поэтому решили прекратить «походы за золотыми колосьями».

Занимательно было, что многие привычные названия стали менять на какие-то эпитеты, было что-то в этом занимательное, какая-то семейная тайна. Когда семена были уже провеяны, просушены и засыпаны в тару, пришло время

ужина. В этот день решили наварить раков, которых тут водилось безмерное количество. К тому моменту, когда раки кончились, у всех уже болели языки и пальцы от соли и панциря речного жителя. Костёр догорал. Земля была ещё тёплой, поэтому сидели прям на ней. Взрослые развалились в тепле костра, дети скакали вокруг.

– Санька, – крикнул Голицын, – принеси мне воды.

Два раза внучку просить не пришлось, и она тут же помчалась в дом, следом за ней, с подожжённой палкой помчался Минька.

– Ты сейчас весь дом спалишь! – Крикнул ему Голицын. – А ну неси палку в костёр!

Минька уже привык не спорить с дедом, собственно это был единственный человек с кем он не спорил, поэтому вернулся сразу и сел, надув губы. Голицын посмотрел на него, потом притянул его ближе к себе и обнял. Минька тут же «растаял». Голицын уткнулся носом в макушку внука и вдохнул этот удивительный запах волос детей: запах детства, медового спаса, немного пыли и солнца, запах семьи, родного человечка. Внучка принесла воды и прижалась к деду с другого бока. В то время, когда Голицын правил страной он видел внуков чаще по видеосвязи, или уже спящих. Редкие дни, когда с ними он проводил пару часов. А тут они всегда были рядом, и он с ними, при этом добрый дед всё же был авторитетом, слово которого привыкли слушаться и исполнять. И вот сейчас эти семилетние внуки жмутся к нему,

как птенцы. Жена принесла всем чай, села рядом и тут же Санька прильнула к бабушке. Голицын негромко засмеялся, а Саша обняла внучку, и начала аккуратно гладить её волосы. Костёр тихо трещал, языки пламени вспыхивали всё реже, уступив место красно-чёрным углям. На небе уже зажглись звёзды.

– Деда, – пробормотал Минька, – расскажи про звёзды, которые нужны кому-то.

Голицын улыбнулся. Кто бы мог подумать, что семилетний человечек оценит стихи Маяковского, которого и взрослые то не все любят и понимают. И он начал:

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают -

значит – это кому-нибудь нужно?

Значит – кто-то хочет, чтобы они были?

Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь

в метелях полуденной пыли,

врывается к богу,

боится, что опоздал,

плачет,

целует ему жилистую руку,

просит -

чтоб обязательно была звезда! -

клянется -

не перенесет эту беззвездную муку!

А после

ходит тревожный,

но спокойный наружно.

Говорит кому-то:

«Ведь теперь тебе ничего?

Не страшно?

Да?!»

Послушайте!

Ведь, если звезды

зажигают -

значит – это кому-нибудь нужно?

Значит – это необходимо,

чтобы каждый вечер

над крышами

загоралась хоть одна звезда?!

– Деда, я это правда, что звёзды зажигает Бог. – Спросил

Минька.

– Может и правда, кто ж его знает. Всё что происходит не случайно, всё закономерно, и нам – людям – не в силах контролировать всё, так что, наверное, есть кто-то выше, и он выстроил этот порядок.

– А вот та болезнь, что случилась – она тоже закономерность? – Не унимался внук.

– Закономерность, Минька. И виной этой закономерности люди.

– Почему?

– Потому что не научились отдавать отчёт своим действиям, – ответил ему Голицын, потом подумал, что этот ответ внуку ничего не разъяснит, – в данном случае виноваты, что не следили за чистотой, не мыли руки, лечились всем подряд, не убирали мусор и, когда заболели, не сказали никому.

– А если бы сказали, что ничего бы этого не было?

– Думаю, что не было бы. Но уже ничего не вернёшь.

– А мы не заболеем?

– Нет, конечно. Мы тут в безопасности.

– Это хорошо, а то я не хочу болеть. Зима скоро, а меня гулять не выпустят тогда.

Минька залез на колени деду и, прижавшись к груди, начал засыпать. Да, пора уже ложиться. Завтра будет день опять.

11.

Сентябрь в этих широтах ещё не так холоден и дождлив, как в Москве, хотя уже и летнего тепла не наблюдается, но всё же днём солнце приятно греет, а осенний ветерок обдувает прохладой. И всё же чувствовалось что осень приближается: уже и деревья начали менять свой цвет, вода из сине-зелёной становилась всё более зелёной, а там, где течения почти не было, то цвет доходил до изумрудного. За тот небольшой промежуток времени, что семья находилась в Охотничьем домике, они уже привыкли к быту, частично

его обустроили, даже не следующий год нашли возможность кормиться. К счастью рыбу и раков в этом месте давно никто не ловил и сети всё ещё кормили семью. К тому же было ружьё для охоты, но Голицын не спешил его использовать, так как патронов было не много, а взять их негде было. Но и эту проблему удалось решить: из куска бревна выстругали арбалет. Конечно он был далёк от идеала, да и времени ушло много, чтобы пристрелять его и научиться с ним обращаться. Далёко он не стрелял, но плавающие у берега утки становились хорошей добычей. Ратмир даже переделал тандыр в коптильню и уже в подвале висело с десятков закопчённых диких уток. Ратмир со Степаном вообще не теряли времени даром: разобрали трейлер и уже соорудили желоба для полива, прорубили бак, для сбора дождевой воды. Пока не наступили дожди и не пришло время собирать грибы все мужчины усилено занимались заготовкой дров, сделали ещё один дровник, уже больше размера и усилено наполняли его сухими дровами. К счастью в округе их было не мало. Голицын помнил, что здесь зимы не суровые, снега часто смываются дождём, сырость становится соратником холода, поэтому и решили, чтобы не экономить, напилить дров с запасом.

Вечерние посиделки у костра становились уже не так часты, зато баня стала новым местом отдыха. Банный вечер теперь разделился на две части – женская и мужская, теплая и сухая, горячая и влажная, с запахом трав и с обжигающим паром. А ещё был чай. Не тот, который продают в дорогих

магазинах, собранный где-то далеко и чуть ли не единственный в мире. А местный, собранный или веточек и листьев смородины, вишни, яблони. В условиях дефицита традиционного чая этот напиток принимался всеми с удовольствием. За чаем уже стало традицией обсуждать что нужно сделать в будущем. И Голицын к этому относился с той же последовательностью, что и раньше к жизни в стране. Всё что предлагали члены семьи обдумывалось, вносили какие-то поправки, изменения и в результате принимали то или иное решение. В эти моменты на Голицына накатывали волны воспоминаний о его прошлом, о работе на посту президента, о решаемых вопросах, о поиске лучшего варианта. И тогда глаза его опять загорались тем служебно-рабочим блеском, что и раньше при решении важных вопросов. Это видели и в семье и даже иной раз специально начинали развивать разные теории и методы, чтобы огонь в его глазах разгорался сильнее. Как это было не удивительно, но все члены его семьи очень быстро приспособились к жизни в изоляции, они активно строили планы на будущее, обустроивали быт, искали новые решения каких-то проблем. Голицын и сам был активным участником этих бесед, но иной раз всё же накатывало на него. И эти воспоминания не давали покоя по нескольку дней. Он заново переживал случившуюся беду со страной, анализировал свои действия, просчитывал развития событий при той или иной ситуации, делал прогнозы и искал свои ошибки. Вновь и вновь он переживал эту проблему вме-

сте со страной. А потом всегда наступало эмоциональное истощение, осознание того, что ничего не вернёшь, не сделаешь по-другому и не изменишь. В такие дни Голицын под предлогом исследования окружающей местности уходил из «заставы», и бродил по опушкам и лесам, сидел на берегу реки, а к вечеру возвращался домой. Вся семья уже выучила его такое поведение и давали ему погрузить не более дня, потом вновь втягивали его в свои заботы, и он опять с рвением хватался за новые дела.

В конце сентября начались первые дожди, не сильные, периодически сменяющиеся солнцем, но уже подарившие земле ту сырость, при которой лес начинает подносить людям дары. Первый такой дар вырос прямо во дворе – маленький неказистый маслёнок, держащий на своей шляпке комок из мха и листьев. Настало время сбора осеннего урожая, это было занятие для всей семьи, поэтому прямо с утра они выдвинулись на поиски грибов. Дождь и солнце сделали своё дело на отлично – грибы росли чуть ли не на каждом шагу. Конечно особой ценностью пользовались белые грибы, но и маслята, рядовка, рыжики и грузди шли в корзину. Были и ещё какие-то грибы, но брать их не рискнули, потому что никто не смог вспомнить их название. Далеко идти не пришлось до обеда собрали по нескольку корзин и уже после до самого вечера перемывали и отбирали их. Сушить решили в бане, а часть просто засолили в пластиковом баке из-под воды, которую вынули из трейлера. С каждым следую-

щим днём они уходили всё дальше и уже не просто собирали грибы, а искали непременно белые. Их и обрабатывать легче было, да и на вкус они лучше. Так путешествуя от опушки к опушке, они вышли небольшому озеру. Конечно назвать его озером было неправильно, но другое название в голову не приходило. Больше похожее на оставшуюся от разлива реки воду, подпитываемую родниками, но главное было даже не в этих водоёмах, а в берегах. Берега покрывали белые полосы, причудливо извивающиеся по контуру берега.

– Солончак. – Торжественно объявил Голицын. – Это солончак, понимаете. Соль, пусть не чистая, но всё же соль. Если сможем собрать её, то запасы наши буду безграничны. Осталось только собрать.

По дороге домой бурно обсуждали как собрать соль. Основными идеями конечно было выпаривание, ведь все остальные способы требовали оборудования или химический реактивов. Проблема была в том, что в этом году соль уже не добыть, но на следующий необходимо сделать запасы.

– А ведь это удача, что мы нашли соль, – констатировал Степан. – Ведь солончаки в этой местности – это аномалия. А что если эта соль содержит в себе примеси каких-то ядовитых веществ?

Этот вопрос поставил ещё в больший тупик, но его решение было отложено до лета.

Когда заготовка грибов была уже окончена, приготовление к зиме уже были сделаны, а октябрь ещё не осыпал зем-

лю дождями настало время осенней тоски.

Семья за этот короткий период, что жила на «заставе» привыкла, что каждый день занят работой, а сейчас все насущие дела окончены, заготовки сделаны. Не скучали только Санька с Минькой, дети постоянно находили чем себя занять, так что их смех – это единственное, что не давало совсем загрустить. Пока женщины готовили, мужчины от нечего делать охотились с арбалета на уток, оттачивая мастерство, ловили рыбу и раков. Но всё равно это желание чего-то нового не оставляло их. Первым этот разговор начал Степан, когда все вместе сидели ужинали:

– Мы мёртвую деревню уже всю осмотрели, всё что могли сюда принесли. А ведь она же не одна такая.

– Я не думаю, что это хорошая мысль. – Понимая к чему клонит сын, сказал Голицын.

– Па, ты подожди, я же не говорю, что нам надо идти и воровать что-то. Нет. Но ведь есть такие же деревни, брошенные, в которые уже никто не вернётся и то, что там осталось пропадёт. А нам ведь нужна обувь, лекарства, спички. Эти же запасы кончатся и что потом? Ладно огонь мы с помощью очков твоих разожжём, а одежда и обувь, лекарства? К тому же я посмотрел карту – тут рядом есть тоже небольшие деревушки.

– Степан прав, Миш. – Вступилась за сына Александра, – Санька с Минькой растут и на следующий год уже вся одежда и обувь мала будет, да и наша поизноситься. Мы же не будем

как первобытные люди из шкур шить или ткать из шерсти. Да и лекарства нужны на всякий случай.

– Да, пап, видишь и мама понимает, что надо.

– Я вижу всё. Но вы не думали, что там может остаться бактерия чумы, или животные ей заражённые, в доме остался вирус. Наши учёные так и не смогли точно сказать сколько живёт эта чума.

– Я понимаю, но ведь и сидеть тут у нас не получится, нам в любом случае нужно необходимое. А там мы предпримем меры, чтобы обезопасить себя. Уксусом обрабатываем открытые участки тела, не помню где-то читал об этом. К тому же мы же были в мёртвой деревне и всё нормально.

– Это было необдуманно.

– Но ведь было. И всё прошло нормально.

– Нет, я всё же не считаю это правильным решением. Сейчас осень, время, когда болезней куча, не известно, что и как будет. Да и лечить потом как? Я против.

– Пап, – Таисия поставила кружку с чаем, – ну если сейчас это так опасно, то давайте подождём до морозов, тут они когда начинаются? Ноябрь? Декабрь? Зимой то уж точно все вирусы и бактерии неактивны на улице. Тогда и можно сходиться с минимальным риском. Ты ведь сам понимаешь, что всё это нам нужно.

Голицын сидел молча. Он и сам уже ни раз думал о том, что нужно семье, думал то, о чём говорил Степан. Но и риск осознавал тоже. А предложение Таисии выглядело самым

оптимальным решением. Он отпил чай.

– Ну хорошо, давайте тогда с морозами и выдвинемся. А пока нужно посмотреть куда идти, подготовиться к походу.

– Я уже подумал, что нам надо. – Ратмир поставил чашку. – Не в деталях конечно, но всё же. Нам всё равно в зиму это всё надо, ведь не будем же мы сидеть дома? – Он улыбнулся.

– Ну тогда рассказывай, Кулибин. – Голицын налил себе ещё чай.

– Для начала нам нужны сани, чтобы не нести всё на плечах, – голос Ратмира стал серьёзным, – теплая одежда у нас есть, нужна палатка, на случай если не успеем вернуться за светлом, а так... всё остальное у нас есть.

– Уже придумал как сделать? – Спросил Голицын.

– Нет, но за пару дней придумаю.

Как и было обещано, через пару дней был готов чертёж. Фантазии Ратмиру было не занимать, Голицын даже пожалел, что он не стал работать в каком-нибудь конструкторском бюро. Ратмир предлагал сделать из дерева двое саней, длиной по два с половиной метра, а шириной по полтора, при этом если их соединить боками, то поверх устанавливался каркас для палатки, а в середине металлический короб, снятый с трейлера, в нём разожжённый костер не даст замёрзнуть и загореться сани не могут, палатку придётся шить из подручных материалов, по типу тех, в которых живут оленеводы на севере, ну и вверху оставить отверстие, чтобы дым

выходил. Так же эти сани цеплялись одни за другие, чтобы тянуть. Чертёж утвердили сразу и тут же принялись делать.

На постройку саней ушло три дня, ещё столько же ушло на пошивку палатки. Теперь оставалось ждать снега.

12.

Октябрь уже пересёк свой экватор, заморосили мелкие дожди, пропитывающие землю насквозь, на улицу без надобности уже не выходили, занимаясь домашними делами, все ждали снега. Уже изучили карты, выбрали маршрут, через окно перерисовали карту на отдельный лист, который запаяли в полиэтиленовый пакет, а снега всё не было и не было. За то свободного времени было хоть отбавляй и этим прекрасно пользовались дети. Пришлось вспомнить множество игр из детства, когда не было телефонов и интернета, когда погода не позволяла выйти из дома, а хотелось каких-то развлечений. Вот и втягивались в игры всей семьёй, после того как женщины приготовят еду, с детьми проведут уроки (знаний всех школьных предметов, конечно, не хватало, но всё же старались обучить каким-то азам их все члены семьи). Потом начинался вечер, в доме становилось тише, все собирались в большой комнате расстилали на полу покрывало и с упоением слушали рассказы бабушки и дедушки о юности, занимательные истории или просто что-то интересное, сказки. Уже привыкли ложиться рано и вставать с солнцем, поэтому после вечерних разговоров была горячая ванна и сон.

Как самый старший в семье, Голицын купался последним. Ванная вообще была его любимым местом в доме. Он наливал воду погорячее, подбрасывал в камин дров, брал с собой чай и погружался в обжигающую воду. Когда вода становилась прохладнее, он выливал часть её, брал висящий в камине котелок и опять доливал. Ванна была место рассуждений, мечтаний, анализа и поиска новых решений.

Время, когда человек остаётся наедине с собой, являет самые откровенные моменты его существования. Тогда не нужно таить мыслей и эмоций, не нужно искать оправдания и виновных, никто не осудит. И Голицын в такие моменты опять вспоминал свой путь к власти, своё правление, конец которого выпал на тяжелейшее время в стране, опять искал пути решения, просчитывал и анализировал, приходил к новым выводам и всё к тем же. Потом прогонял эти думы и начинал размышлять как жить дальше, что ещё нужно достать или изготовить. Понимал он прекрасно, что жить всё время тут в затворничестве глупо и нужно находить контакт с людьми, но отсутствие сведений об эпидемии отодвигало это на потом.

Огонь в камине стал угасать, Голицын вылез из ванны, взял полено и кинул его в камин, искры тут же поднялись вверх и вылетели в трубу, спустя какое-то время огонь охватил полено, комната наполнилась красновато-жёлтыми отсветами, полено затрещало и от камина повеяло теплом. Голицын сидел на краю ванны, сейчас он чувствовал себя спо-

койно и уютно, такого ощущения не было давно, да что там давно, с юности, с того времени как вредный подростковой период наглухо закрыл дверь в детство и вся та сказка, которая была тогда осталась там, за дверью. Тогда и пропало это чувство уюта, а пришло стремление, осознание того, что мир другой грубый, жестокий, сложный. И чтобы жить в нём нужно бороться. И вот борьба стала его жизнью, жизнью, где не было место человеческим слабостям, полноценному отдыху, дурачеству. А теперь всё то что было оказалось прошлым, а настоящее вернуло его в те самые эмоции из детства. И это было здесь, в изоляции от мира, от проблем, которые надумывает себе общество, от интриг и конфликтов. Здесь он был счастлив, в этом деревянном доме, с этими заботами, в окружении семьи. Тогда что же была вся его предыдущая жизнь? Гонка за властью? За благами цивилизации? Желание потешить своё эго? А может быть стремление построить новый мир по своим шаблонам? Тоски по прошлому и упущенным возможностям не было. Наверное, такая старость очень даже была кстати после той дороги, которую он прошёл. И, видимо, так думал и Молотов, построивший себе дом вдали от людей. Интересно как он там? Наверное, ему было трудно принять решение остаться, хотя и понимал необходимость этого. И понимал, что уже не получится встретить старость как хотел, поэтому и отдал этот дом. Как много кардинально поменялось за этот промежуток.

В ванну уже он ложиться не стал, вытерся полотенцем и вышел. В доме все уже спали. Он подошёл к окну. Темно, только дождь стучит по окнам. Грустно и уютно, но это для него. А остальные? Ведь им не надоел тот мир, в котором у всех были дела и друзья, блага цивилизации и комфорт. И им нужны люди, нужно общение, нужен социум. А он эгоистично запирали их от мира, в большей степени из соображений защиты, но это не оправдывало затворничество и изоляцию. Ведь нужны не только медикаменты, одежда и обувь, нужно ещё и общение, и развитие, и внукам нужно будущее, семьи и дети. Он выпил воды. Да, нужно искать людей.

Время до снегов и морозов тянулось долго, все детали плана уже были проверены много раз, отточены по максимуму. Все ждали начало зимы. В конце ноября пошёл снег, мороз начал сковывать реку – настало время их импровизированной экспедиции. Было решено, что Ратимир останется, а в первую экспедицию пойдут Голицын с сыном. По их расчётам до ближайшей деревни идти примерно день, так что продуктов взяли с запасом на три дня.

Укутав лицо от снега и ветра, Голицын первым запрягся в сани и потянул их. Степан двигался следом. Ружьё решили не брать, ограничившись ножами и арбалетом. И то больше для собственного успокоения. Идти было непривычно, но не особо трудно, снег ещё не был глубоким и мокрым, так что сани тащились легко. Первый раз остановились через три часа ходьбы, чтобы свериться с картой и выпить чай из термо-

са.

– Сын, ты смотри по сторонам, чтобы не пропустили ориентиры и не сбились с дороги, а то метель начинается, я могу не заметить.

– Я старался проложить маршрут так, чтобы в основном по прямой до изгиба реки, а там по берегу. Ты только берег не прозевай, а то придётся искупаться и домой вернуться.

Голицын усмехнулся, и они опять двинулись в путь. Берег реки он увидел даже через снег. Склоны на той стороне поросли деревьями, а с их стороны не было даже кустарника, видимо не особо почва была благосклонная к растениям. Ближе к берегу подходить не стали, повернув двинулись дальше. Идти тут было легче, кустарник был мелкий, веток на пути не было, местами только снег сдувало и приходилось огибать проплешины.

Усталости тело ещё не чувствовало, да и есть пока не хотелось. Шли, опустив низко головы, ветер теперь дул в лицо, к тому же не было деревьев, защищающих от него. А метель всё усиливалась, мелкие снежинки норовили попасть в глаза и нос, больно били по открытым участкам кожи на лице. Смотреть вперёд было уже труднее, ориентировались только по береговой линии. А снег всё усиливался; мелкий, сухой, как манна. Идти по нему было ещё легко, но видеть куда идёшь было уже трудно. Впереди видно было метров пятьдесят, не более. Наверное, остановиться и переждать метель было правильным решением, но Голицын хотел добраться до

селения, и заночевать там. Шаг за шагом они двигались вперёд, пока ещё было светло и виден был берег реки.

Дойти за светло до селения так и не получилось, из-за метели темнеть стало раньше, берег реки стал терять свои очертания, а иных ориентиров видно не было. Было решено сделать привал тут. Ветер не утихал, поэтому решили устроить привал около деревьев. Сцепив сани боком, они верёвками привязали их дереву, после чего поставили сверху палатку и забрались внутрь. Короб для костра оказался очень удобным, вспыхнувшие дрова сразу же сделали пространство палатки уютным. От их жара оно нагрелось довольно быстро и озноб, накопившийся за дневное путешествие, стал отступать. Снаружи метель всё ещё продолжала завывать, полог палатки то и дело колыхался под порывами ветра. Немного согревшись, решили поужинать копчёной уткой и ложиться отдыхать. Подкинув в костёр немного дров, улеглись вокруг него. Сон пришёл быстро, но был беспокойным, всё же это была первая ночёвка за пределами «заставы», ставшей теперь новым домом.

Они не видели, как встало солнце, проснулись больше по привычке. Огонь уже прогорел и угли почти остыли. Голицын выглянул на улицу: метель и не думала отступать, но и снега из-за ветра было не много. Позавтракав и собрав палатку, они двинулись дальше.

Ветер продолжал больно хлестать глаза и открытые участки лица мелким снегом, так что идти приходилось, нагнув

головы. Часто останавливались, опасаясь сбиться с направления. Край села увидели, когда практически носом уткнулись в забор. Отдыхать времени не было, поэтому сразу же решили обследовать дома. Из-за метели не было видно ни следов, ни дыма, идущего из печных труб, ни каких-либо признаков жизни. Толкнув первую же калитку, Голицын вошёл во двор. Сыну знаком показал, чтобы тот остался у забора. Дом стоял в глубине двора, заметённый снегом, с тёмными окнами, осевший от времени, больше похожий на бодрого старика. Голицын улыбнулся от мысли о таком сравнении. Дверь была заперта на навесной замок, в окнах не было никакого признака движения.

Голицын замер на входе. Вроде бы и дома никого нет, а с другой стороны может быть просто на время отошли. И что получается? Уже кража. Одно дело взять необходимое с брошенного дома, а другое с жилого. Хотя раньше и с пустого дома было бы кражей, а сейчас время изменилось, изменились обстоятельства, изменилась вся жизнь. И всё же срывать замок он не рискнул. Выйдя со двора, он решил обойти окрестные дома, чтобы понять брошены ли они. Чтобы сэкономить время, Степан двинулся по одной стороне, а сам Голицын по другой.

Заходя в каждый двор, вновь кололо чувство стыда и осознание того, что он мелкий воришка, но с другой стороны, как глава семьи он понимал, что это скорее необходимость. К счастью дома оказались оставленные.

Голицын вышел со двора и помахал рукой Степану, тот сразу же двинулся к отцу. Кусок арматуры использовали как лом, поддев им навесной замок. Долго тот сопротивляться не стал и упал в снег. Толкнув дверь, в дом первым вошёл Голицын, Степан следовал за ним на расстоянии нескольких шагов. Да, они оказались правы, дом был оставлен своими хозяевами, причём сборы были весьма скромны. Судя по обстановке, хозяева забрали с собой самое ценное: технику, кое какую одежду, иконы и ещё всякую мелочь. Остальное так и осталось в доме. К счастью медикаменты с собой они брать не стали, как и большую часть одежды. Обыскивать весь дом смысла не было, поэтому осмотрели его быстро, взяв только необходимое и книги. Выйдя из дома, Голицын заколотил дверь гвоздём, после чего они двинулись к другому дому. Конечно не все дома были с хозяйскими вещами, многие были вывезены под чистую, в других скраб был настолько плох, что и выбрать было не из чего.

От двора к двору переходили они, собирая в сани всё, что могло быть полезным. Ближе к вечеру все дома были осмотрены, сани нагружены.

– Заночуем тут. – Негромко сказал Голицын. – Хоть метель и идёт на спад, но в ночь идти не стоит. Потеряемся.

Степан не был против, хоть ночевать в чужом доме и не самое приятное занятие, но всё же лучше, чем брести наугад. Сани затянули во двор, растопили печь в доме и поужинав остатками припасов улеглись прям на пол у печи.

– В следующий поход нужно продуктов больше брать. –
Нарушил тишину Степан.

– Согласен. Только вот куда ты собрался в следующий поход? Я, как помню карту, не видел маленьких деревень ближе чем на полсотни километров. И тащиться в такое расстояние смысла не вижу.

– Ну а если летом?

– А летом ты на чём везти будешь? К саням если только деревянные колёса приделаешь, да и по земле катить это не одно и то же, что по снегу.

– Но ведь есть же не только такие мелкие деревушки. Есть и покрупнее, да и города небольшие тоже рядышком.

– Это нам тут повезло, что все ушли, да в «мёртвой» деревне ни души. А в тех, что покрупнее или в городах везде люди остались. И просто так пойти по домам и собрать что нужно нам никто не даст. Да и без нас уже собрали всё.

– Мы можем купить, нам же не обязательно брать всё.

– Можем конечно, но, я думаю, что деньги уже потеряли ценность, и на то, что у нас есть много не купим. Да и золото в цене упало. Так что наших всех запасов хватит на один поход с минимумом покупок. К тому же не стоит забывать об эпидемии. Мы не знаем, как обстоят дела.

– Не знаем. Но ведь можно не входить в город, а по наблюдать, посмотреть со стороны. Да и часто рисковать нет смысла, тем более у нас не много денег и золота. Составим список необходимого и за раз купим всё.

– Давай летом и подумаем об этом. Как раз поймём, что нам нужно в хозяйстве.

Степан перевернулся на бок:

– Па, а ты думаешь, что эта эпидемия уничтожит страну?

– Полностью нет, но вот мегаполисы и крупные поселения – очень вероятно. Если даже и не полностью, то экономику и все остальные институты уничтожит. И нужно будет строить заново всё, основываясь на том, что есть. Ну а большая часть страны вернётся к такому образу жизни как мы сейчас. Будут или отшельниками, или жить общинами.

– А если бы ты остался у власти, как бы ты выстроил новое государство?

– Не знаю, Степаня, я часто думаю над этим. Проблема в том, что я человек старой формации и мыслю категориями той жизни, до эпидемии. При этом я прекрасно понимаю, что в нынешнее время выстроить государство за счёт добычи и торговли ресурсами не получится. Даже если мы начнём добывать ресурсы, активизируем атомные станции, запустим всю инфраструктуру, то мы не сможем продвинуться вперёд. Ну хватит нам этого лет на десять. Потом оборудование нужно будет ремонтировать, менять детали, а у нас специалистов таких уже раз-два и обчёлся, а обучать новых как? Даже если обучим, то часть оборудования и деталей к нему мы покупали у наших партнёров, своих производств нет таких. Ну несложные детали выточим, а микросхемы и прочие технологические нюансы где взять? Половину металлов мы

не сможем добыть. Вот и станем мы на те же рельсы. А ведь народ, когда почувствует возвращающийся прогресс в виде того же электричества, горячей воды, телефона и интернета уже не примет ограничение или полное отключение всего этого во второй раз. И это будет новая гражданская война. К тому же не понятно, что и как с чумой. Тут нужны свежие мозги, которые смогут посмотреть на развитие страны не с точки зрения зависимости от ресурсов. А найти новые пути развития, новые способы взаимодействия и построения страны.

– А те, кто сейчас правят страной смогут это сделать?

– Очень надеюсь, что смогут.

– Ты поэтому оставил свой пост?

– И не только поэтому. Да, у меня не было полноценной стратегии развития страны, не было новых идей и технологий. Но и я видел, как устал народ от бед и проблем, и добавить ещё и тиранию со стороны власти – это значило погубить его совсем. А ведь среди тех, кто мог погибнуть, могли оказаться именно те свежие умы, о которых я говорил. И чтобы получил я, прими решение остаться? Агонию страны, страны, которую всеми силами старались спасти.

– Знаешь, я поначалу очень сильно паниковал, осознавая, что прошлая наша жизнь кончилась, не знал, как мы будем жить потом. Сейчас, конечно, уже всё по-другому. Да, мне не хватает интернета, друзей, социальных сетей, фильмов и прочего. Зато сейчас я вижу не виртуальный мир, а реаль-

ный. И это круче, чем проходить игры. И чумы в нашем мире нет. Когда мы жили в Москве, и когда появились первые заболевшие чумой, я стал опасаться даже братья за ручки. И чем дальше, тем больше было какой-то внутренней паники от осознания, что можем, и мы ей заболеть. А сейчас этого страха нет. Да, опасность есть, но нет страха.

– Да, не лёгкое время нам выдалось.

– Не лёгкое. Ладно, давай спать, а то нам с утра выдвигаться надо.

К утру метель улеглась и снег перестал сыпать. Проснулись ещё за темно, долго собираться не стали, впряглись в сани и двинулись в обратную сторону. Следов конечно не осталось после метели, да и вокруг стало видно всё по-иному, останавливались уже реже, потому что ориентиры виднелись хорошо. Ближе к обеду животы стали урчать, но есть было нечего, поэтому шли дальше, не останавливаясь. Идти быстро не получалось из-за тяжёлых саней, так что получается, что двигались они примерно с той же скоростью, что и в метель. По дороге пришло осознание ещё одной проблемы, о которой не подумали раньше: палатку ставить было негде, как и разводить костёр, теперь сани были загружены, а разгружать их – это было очень затратно по времени. Остановившись на небольшой отдых они, обсудив эту проблему, решили, что останавливать на ночёвку не будут, тем более, что, когда стемнеет, они пройдёт две трети пути, так что заблудиться не должны.

Был плюс в этой местности – крутых холмов и оврагов не было, а если и попадались, то обойти их не составляло труда. Старались идти так, чтобы река была всегда в поле видимости. Но скоро стало темнеть. Припасённый для этого случая фонарик очень пригодился. Даже не для того, чтобы искать дорогу, тут больше ориентировались по компасу, понимая, что уйти далеко от направления не даст река, а вот свет от фонаря внушал какое-то внутреннее спокойствие, присущее цивилизованному человеку, когда он включает свет в тёмной комнате. Когда вроде бы и знаешь, что в темноте никого нет, но всё равно какое-то первобытное чувство страха заставляет прислушиваться к звукам и вести себя тише. А потом включаешь свет и затаившийся в углу некто оказывается шторой, а шелест, который слышал всего лишь ветер за окном. Вот и сейчас жёлтый луч, освещающий дорогу был ничем иным, кроме успокоения.

В воздухе чувствовался мороз, хорошо, что ветра не было, да и небо было чистым. Вышедший на небосклон месяц прекрасно освещал местность. Голицын поднял голову и взглянул на него, в голове промелькнула мысль, заставившая его улыбнуться: «Хорошо, что гоголевский чёрт ворует месяц только в канун Рождества». Он оглянулся назад. Степан не отставал, наклонившись телом вперёд упорно тянул свои сани. Странно всё получается: всю жизнь Голицын стремился к тому, чтобы его дети зарабатывали деньги не физическим трудом, а вот сейчас всё поменялось. Но в душе было прият-

но, что сын не стушевался и стал нить, а принял эту реальность как должную.

Домой пришли поздно, скорее всего уже за полночь. Спали только внуки, остальные же, не смыкая глаз, сидели и ждали. Ждали того чувства облегчения, когда раздастся стук в дверь, извещающий, что «наши вернулись».

В английском языке есть такая пара слов «house» и «home», в русском языке имеющим один и тот же перевод (за исключением смысла, вкладываемого в них), а в русском таких пар слов больше, но, конечно, чаще мы употребляем слово «дом». И вот сейчас это был не тот «дом», который в английском обозначится «house», а был именно «home». Именно тот «дом», где главными были не стены и крыша, а те, кто ждёт тебя, семья, составляющая часть твоей жизни, которая нуждается в тебе, поддерживает, шумит, мешает отдыхать, но делает жизнь осознанной и приносит в неё смысл. Ведь кому ты нужен, когда ты один? Кому нужны твои победы и поражения? Кому интересна твоя радость и печаль? Кто поговорит с тобой и выслушает? Друзья? Коллеги? Виртуальны собеседники? Конечно нет, всё это проходящее и недолговечное. А семья – это постоянство, тут ты нужен всегда и любой. И не важно, как у тебя сложился день, каких успехов ты достиг или какие поражения потерпел. Тут ты нужен не из-за своих заслуг. Ты нужен, потому что ты часть семьи. Так встретили Голицына и Степана. И всем не важно было, что они добыли (сани даже не стали разбирать, оставив

их на улице), важно было, что они вернулись домой, целые и невредимые. А вот у самих виновников сил уже не было, чтобы даже рассказать о своём походе. Всё это было отложено на завтра, а сегодня был только ужин и постель.

13.

Утро началось у Степана с отцом гораздо позже, чем у остальных. Шторы в их спальнях специально не стали открывать, дав им возможность выспаться после нелёгкого путешествия. Часов в десять утра они только вышли из своих спален, семья же к тому времени уже успела перенести в дом всю добычу. Сейчас привезённое рассматривалось и разбиралось. Одежда была аккуратно разобрана на кучи для дальнейшей стирки, книги аккуратно сложены в стопки, медикаменты разложены на столе, а различная кухонная утварь и прочая мелочь ещё лежала в куче.

Увидев, что мужчины проснулись, Александра и Таисия сразу же засуетились, накрывая на стол. Стол был накрыт словно ожидалось торжество, от этого было даже как-то неудобно. Ведь никаких геройских подвигов они не сделали. Но всё равно было приятно. За обедом Голицын и Степан рассказывали о своём походе, описывали оставшиеся без хозяев дома, дорогу и погоду. Их слушали не перебивая, а когда они окончили свой рассказ, то настала пора уже домоладцам рассказывать, что полезного было добыто из похода. Как оказалось, большая часть лекарств просрочены и их

пришлось выбросить. Некоторую одежду нужно было подлатать или перешить, и тут очень сгодились иголки и нитки, которые собрали в брошенных домах (Голицын старался именно так это всё называть, хотя где-то в глубине души всё равно осознавал, что это кража). Особую радость принесли книги, на ряду с бульварной литературой, нашлись и достойные книги: лечения народными методами, и детские книги, и классика, как наша, так и иностранная, были даже Евангелие. Да и кухонная утварь тоже сгодилась. В общем признали все, что поход был удачным.

После обеда мужчин ждала растопленная с утра Ратмиром баня. Там в объятиях жара и пара, под хлесткие удары веником из тел уходила усталость, освобождая место новой силе. Да, именно силу дарит русская баня. Ни финская сауна, ни грузинские термы, ни турецкий хаммам, ни какая другая не могли сравниться с русской. Тут и пар другой и жар, да и сама атмосфера другая. А если баня из сруба, так вообще словно окунаешься на несколько столетий назад, когда ещё ценился человек, а не его должность. А под хорошо замоченный веник, так вообще одно удовольствие, всю хворь их организма выводит на раз. А когда на улице льёт долгий холодный осенний дождь, или идёт снег, или трещат морозы, а в бане жара, уютно и комфортно, и чувствуешь себя защищённым за этими брёвнами.

Вот и сейчас после пара и веника, проветрив баню, все сидели на полках и просто грелись тем теплом, которое да-

вали камни.

– Пока вас не было, – не громко проговорил Ратмир, – я ходил на реку. Лёд стал хороший и недалеко от берега я прорубил прорубь. День просидел, но попался карп небольшой и судак. Думаю, прикормить место, а ещё над лункой палатку поставить, а то на ветру по морозу сидеть долго не получится.

– Это ты хорошо придумал. – Степан встал с лавки и плеснул немного воды на камни. – А ещё можно короб с саней взять, его не на лёд, а на ножки поставить и греться. Он нас в палатке ночью хорошо спасал.

– Да, свежая рыба нам нужна. Это бесспорно. – Сказал Голицын. Но и мясо нам нужно будет. И не только птицы, но и зверя. Я думаю, что патроны мы тратить не будем, не так их уж и много у нас, а вот арбалет неплохо себя показал на утках. Давай попробуем сделать ещё мощнее, чтобы и зверя убить. Не знаю кто тут есть, но думаю косули, зайцы, кабаны есть. Ну кабана мы вряд ли арбалетом убьём, а вот косулю и зайца легко.

– Да, мощный арбалет – это вещь хорошая. – Степан посмотрел на отца. – Но как мы подберёмся к косуле, а тем более к зайцу. Приманка тут не поможет, у них вон целый лес еды.

– Плохо, что ты не читал книжки про индейцев. – Голицын засмеялся. – Прогуляемся по лесу, осмотримся, найдём где больше следов и помёта и заляжем в траве или залезем

на дерево. А когда будет рядом та же косуля, то с двух сторон в неё и выстрелим. Даже если сразу не убуём, далеко она со стрелой не убежит.

– Ну попытка не пытка. – не стал спорить Степан. – Давай попробуем, тем более ловушек мы делать не умеем.

– А вообще нужно весной, да начала посадки побродить в округе, посмотреть, что и как, может разживёмся какой-нибудь живностью. – Ратмир посмотрел на них. – Я пока вас не было вот что подумал. Ведь есть рядом и другие деревни, даже если учесть опасность чумы, то можем просто осмотреться и может где есть домашняя птица. Так мы её сюда принесём и попробуем развести.

– Хорошая идея. – Голицын провёл рукой по волосам. – Нужно карту посмотреть и прогуляться налегке. Времени у нас будет немного, но немного лучше ничего.

– Я тоже с вами пойду. – Подал голос с нижней полки Минька.

– А на кого ж мы дом оставим? – Голицын склонился над внуком. – Вот ты скажешь. С нами пойдёт он. Нет, ты раз моложе всех, то и задание ответственнее чем у других. Тебе тут надо быть, ты опора нашего дома, Минька. Ты его будущее. – Он потрепал по голове внука. – Так что привыкай к ответственности.

– Я ещё вот что подумал, – после долго молчания сказа Голицын, – нужно и людей поискать. Если живые есть в таких маленьких деревушках, то чуму точно пережили, а мо-

жет и такие же, как и мы есть. Тут места много, построим новую деревню. Чума она, конечно, опасна, но и населения много умерло, угроза распространения меньше.

Эта мысль таилась у всех в голове, но, зная отношения Голицына к их добровольному затворничеству, её никто не озвучивал. А сейчас она прозвучала как объявление о спасении. Как бы не было тут безопасно, сыто и спокойно, но человек всё же существо социальное, а быть Робинзонами Крузо до конца жизни никто не хотел. Тем более, что время всё равно сведёт чуму не нет, и все люди не погибнут, и им нужно будет строить свой мир, пусть не первобытный, но общинный. Но это всё в будущем, а сейчас нужно готовиться к весне, к запасам продовольствия, к новой зимовке и новым испытаниям. И сейчас уже нельзя было допустить ошибку, и понимали это все, даже Минька и Санька.

Голицын лежал на полке, думая о том, как всё же жизнь может всё круто перевернуть и те, кто не сломался от такого разворота готовы строить дальше новую жизнь. И особенно приятно было то, что его семья не сдюжила в такой момент, что легко отбросила все прелести жизни и влилась в новый мир. Смогли бы они так, если бы не чума? Не известно. Но не было бы счастья....

Зима в этих краях оказалась очень снежной, морозной и на удивление красивой. Наверное, зима в городе стирает наши представления о той сказочной зиме из детских сказок и мультиков. В городе она теряет свою белизну, становить-

ся серой, даже ярко украшенные витрины магазинов не возвращают в ту сказку из детства. А тут зима была настоящей, красивой и величественной. Снег нагнул ветви деревьев почти до земли, кусты почти полностью утопали в снегу, да и вся земля была щедро осыпана им, берега реки утопали в наметённых сугробах, а сама река оказалась накрыта ледовым панцирем, под которым продолжала нести свои воды.

Все зимние походы было решено отменить и не рисковать зря, поэтому было решено уделить время учёбе детворы. Каждый взял на себя наиболее близкие учебные предметы и старался максимально доходчиво объяснять их детям. Отсутствие телевизора и интернета позволяло уделить семье гораздо больше времени, да и кроме учёбы было время и для совместных игр, домашних забот и историй при свете лучины, когда за окном начинал завывать ветер, в печи уютно потрескивали дрова, а на полу расстилали одеяла и все, ложившись на них слушали Голицына. Казалось, что историй его не будет конца и края: начиная от детства и заканчивая выдуманными сказками и несуществующими приключениями. И при всём при этом ограниченность быта навевала тоску. Вот поэтому и сделали во дворе детям горку, расчистили у берега место под хоккей, ходили на зимнюю рыбалку и готовились к весне и лету.

Голицын любил брать внуков на рыбалку. Конечно терпения у них не хватало высидеть над лункой, но их игры отгоняли хмурые мысли. От дома они ушли почти на кило-

метр, там была небольшая заводь, где течение реки было не таким сильным и рыба попадалась крупная. Санька идти от-казалась, так как вместе с Александрой решили приготовить хворост, а Минька был рад выбраться из дома и даже не важно было куда. К тому же погода для зимней прогулки была что ни на есть хорошая. Голицын, укутавшись в куртку, сидел над лункой, ждал, когда голодная сонная рыба увидит блестящий крючок и нападёт на него. Минька то катался с берега на реку, то лазал по деревьям, то просто носился, борясь с воображаемыми противниками. День уже постепенно подкрадывался к своему экватору и уже начиналось хотеться есть, поклёвки не было совсем, но он всё же давал рыбе «ещё пять минут и всё». Всё же желание поймать рыбу заставляло подождать ещё пять минут.

– Дед! – Голицын похолодел, услышав этот крик.

Вскочив, он обернулся – Миньки нигде не было. И крика не было. Голицын осознал, что не заметил, где играл внук. И сейчас он его не видел.

– Минька! – Горло предательски захрипело.

Он озираясь по сторонам – внука нигде не было.

– Дед! – Крик с другого берега реки.

Замёрзшие ноги свело судорогой, и Голицын упал. На четвереньках он как мог побежал через реку, потом вскочил на ноги и, прихрамывая побежал. Там у берега он увидел проломленный лёд. В этот момент как молния пронзила его. Тот страх, который он испытал сейчас не бывал в его жизни ни

разу. На бегу срывая с себя куртку, он не раздумывая прыгнул в воду. Холод тут же волной прокатился по телу, одежда прилипла и набралась водой, но он грёб вниз. Зимние реки не такие мутные, как летом, наверное, это и был тот единственный шанс для Голицына. Барахтающегося внука он увидел почти сразу, схватив его за одежду потянул вверх. Вынырнув из воды оба жадно глотнули зимний воздух. Голицын выпихнул внука на лёд. Сам ухватился за край, но подняться уже не смог. Да и лёд отказывался ломаться. Сбросив обувь и свитер, он опять подтянулся, но сил не хватало. Минька подполз к краю и, схватив деда за руку, стал тянуть. Конечно сил у него почти не было, но и Голицыну оказалось нужно не так уж и много. Он перевернулся на спину, оперся ногой в край льда и поднялся на сколько мог. Минька тянул его за руку и эти усилия позволили лопатками опереться на лёд. Он выполз и посмотрел на внука. Испуганные глаза его горели неподдельным ужасом, который бывает только у тех, кто столкнулся со смертью. Всё тело мальчишки была мелкая дрожь. Голицын на четвереньках дополз до куртки, завернул в неё внука и из последних сил поднялся. Босые ноги сильно обжигал лёд, мороз через мокрую одежду колот тело, в руках дрожал Минька. Голицын побежал. Первый раз за долгое время, и первый раз мокрый и наполовину раздетый зимой. Но это было не важно. Сейчас в голове было другое – промокший внук. Ребёнок, который только начал жить, и на долю которого уже выпало не мало проблем, и который в

условиях их нынешней жизни может и не оправиться после такого купания. И Голицын бежал быстрее, по льду, рискуя провалиться и упасть, но бежал что есть сил, глотая морозный воздух, отбивая ноги о лёд. Казалось, что этот километр никогда не кончится, да и сил то уже не было, но страх потерять внука толкала его сильнее и сильнее. И он бежал, задыхаясь, хрипя, но не сбавляя темпа, разрезая ноги о вмерзшие в лёд ветки, но только ускоряя бег, прижимая Миньку к себе и чувствуя, как он дрожит. В дом он буквально ввалился, упав за порогом на колени, выпуская из рук завернутого в куртку Миньку. Говорить ничего не мог, только хрипел, сбиваясь на кашель. Одежда по краю уже начала замерзать, волосы слиплись и блестели тонкими лучиками льда, подошва кровоточила и безумно болела, то ли от холода, то ли от ран.

Миньку сразу же подхватили Таисия с Александрой, стягивая с него одежду, растирали руками, он плакал и дрожал. Голицын упал на спину. Сознание начало путаться. Смутно он видел, как Степан и Ратмир потащили его в комнату, как стягивали вещи, что-то говорили. Но воздуха предательски не хватало, кашель душил и душил, кожу начало колоть. Он всё же потерял сознание.

Когда Голицын открыл глаза в комнате был только свет от лучины, сам он лежал у печи, укутанный в одеяло, рядом маленьким комком сопел свернувшись Минька. Сказать что-то не получалось – горло словно открытая рана – болело при каждом звуке. Вся семья сидела рядом, ещё рядом было куча

лекарств, какие-то чашки и тарелки. Сил не было. Голицын закрыл глаза.

Уже ближе к утру поднялась температура, и каждое движение было балансировкой между жаром и холодом. Таблетки проглотить не удалось, да и вообще глоталось с трудом. Смоченная в уксусе повязка дала больший эффект, голову ему обильно натёрли пеной от хозяйственного мыла, ступни замотали в куски материи. Сознание то возвращалось, то пропадало. И в моменты между этим проскакивали видения, странные и несуразные, но поселяющие в душе тревогу. Ему казались катящиеся камни, огромные, но в тоже время катящиеся очень легко. Куда и откуда они катились не было видно, но и то, что захватывало сознание тревожило сильно.

Проснулся он от звука голосов. Открыв глаза, Голицын увидел, что солнце уже встало, рядом с ним сидел Минька и сбиваясь рассказывал, как тащил деда из воды. Санька прижалась к матери и молча слушала, остальные спрашивали подробности. Проснувшегося Голицына заметили ни сразу, но как только заметили все переключились на него. Минька первый на четвереньках перебрался к деду, прижался головой к его груди и заплакал. Голицын с трудом поднял руку и обнял внука. Сил и возможности говорить не было.

К счастью Минька отделался лишь испугом от всего. Голицыну было значительно труднее: к воспалению лёгких добавилось сорванное в кровь горло, обмороженные и порезанные ступни. Выздоровление шло трудно и долго, не смотря

на бульоны и отвары, которые готовила Александра. У его постели дежурили по очереди, пока силы не стали вновь возвращаться. Говорить начал только после Нового Года, в этот раз без традиционных подарков, фейерверков, обращения к нации и всей остальной атрибутике этого праздника.

Крещенские морозы и почти половина февраля выдались очень холодными и ветреными. Из дома без необходимости старались не выходить, про рыбалку и другие развлечения тоже было решено пока позабыть. Несколько ночей выдались особо холодными, так что даже натопленная печь и одеяло не спало от озноба. В эти ночи все спускались на первый этаж, стелили на полу около печи и спали как кочевники вокруг огня. А ещё особой популярностью пользовалась баня в эти дни. Хорошо, что холодные дни были в этих широтах кратковременны и свою власть опять взяла мягкая снежная зима.

Теперь уже и дети чаще играли во дворе, да и взрослые тоже выходили из дома с удовольствием. Дни добровольного заточения закончились. Ближе к концу февраля Ратмир поднял тему необходимости ещё одного обследования деревни. Эта деревня была чуть дальше и в другом направлении, так что путь до неё занял бы от полутора до двух дней, в зависимости от погоды. К тому же за время зимы сани переделали и теперь можно было не только груз везти, но и спать ночью в них, что способствовало длительным путешествиям. После длительных споров было решено, что это мероприятие нужное и в него отправятся Ратмир и Степан. Как ни старался

Голицын доказать, что он должен туда идти, но его недавняя болезнь была главным козырем в руках семьи. Через два дня к походу всё было готово и Степан с Ратмиром выдвинулись в путь.

Потом было пять долгих дней ожидания, в ходе которых Голицын постоянно выходил выглядывать их, ночью прислушивался к шорохам, ожидая стука в дверь. С каждым днём росло напряжение, тревога и нервозность. В это время он сильно жалел, что не подумал о спутниковых телефонах и ящике аккумуляторов к ним. Почему-то в голове постоянно крутились какие-то недобрые развития ситуаций: от того, что заблудились, до нападения на них волков или каких-нибудь мародёров. И мысли эти с каждым днём становились всё навязчивее. К счастью утром шестого дня, он в окно увидел, как по просеке тащатся сани. Накинув куртку, он сразу же выскочил к ним. Сани были загружены по максимуму, и ребята еле тащили их, так что помощь Голицына оказалась очень кстати. Мероприятие сильно вымотало их, поэтому накормив их, сразу же уложили спать, а сами стали разбирать сани. Их улов, если можно так называть оказался богаче предыдущего похода. По мимо лекарств, книг и одежды они нашли ещё семена растений, картофель для посадки, чай, подсолнечник, много соли, спички, что-то похожее на огниво, а также самый главный улов – улей с пчёлами. Им даже посчастливилось найти кустарный самогонный аппарат. А вот оружия или пороха, к сожалению, не было.

На следующий день, когда ребята выпалились, все собрались вокруг них, слушая их рассказ о своём путешествии. То, что они увидели было ожидаемо – брошенные дома, в некоторых ещё лежат разложившиеся трупы, те дома, которые брошены почти пустые, животных и птицы тоже нет, и вряд ли кто-то вернётся туда. Конечно на основании двух вылазок трудно делать вывод о ситуации, но вывод напрашивался сам собой. Оставалось лишь поискать людей в городах, но там была чума. Поэтому пока этот вопрос даже не поднимался.

14.

Весна на юге совсем не такая как на севере или даже в средней полосе. Тут нет тех долгих грязно-морозных дней, светящего и малогреющего солнца, ветров и тоскливых туч, вяло тянущихся по небу. Весна на юге яркая, быстрая и жизнерадостная. Семья Голицына никогда не видела эту весну, поэтому март произвёл на них неизгладимое впечатление. Снег быстро сошёл, а солнце и лёгкие ветра выдули с земли сырость. В лесу было ещё влажно и сыро, а на опушках уже начала пробиваться молодая трава.

Ожило всё и в охотничьем домике – началась пора приготовления к весенней посадке. На опушке, которую приглядели ещё осенью разгребли сухостой из травы, разбили грядки. Другая опушка была очищена для посева злаков. Со двора перетащили и смастерили систему полива и набора во-

ды. Первый огородно-садоводческий опыт оказался положительным: ещё в начале весны, высаженные в доме семена дали хорошую рассаду, так что бережно посаженные овощи принялись быстро, да и злаки всходили на этой почве хорошо, цветы, виноград, смородина – всё росло как на дрожжах.

Осенне-зимний период хоть и выдался насыщенным, но до весенне-летнего ему было очень далеко. Сейчас не было времени на скуку и безделье, даже дети были заняты домашними делами, хотя для них это было чем-то сродни игры.

Взрослые вставали с рассветом и до подъёма детей успевали полить огород, сходить на рыбалку, поставить сети и раколовки, приготовить завтрак, выйти к солончаку, чтобы на борта с трейлера налить воды. После завтрака уже все вместе шли пропалывать грядки, приводить в порядок двор и дом, готовить обед. После него было пару-тройку часов на отдых, когда каждый занимался чем хочет, а вот ближе к вечеру опять жизнь начинала кипеть: там, где влагу впитал песок нужно было опять поливать, проверить и убрать вредителей, проверять улов и заготовливать дрова на зиму. К тому же нужно было сходить на солончак и смести соль, оставшуюся от выпаренной воды. В походах за солью постоянно брали с собой арбалеты, иной раз даже получалось подстрелить фазана или куропатку, реже попадались перепела, иногда даже попадались следы косуль в районе солончака. Во время этих походов зародилась мысль сделать птичник, чтобы были всегда яйца под рукой. В свободное время за баней за неде-

лю его сделали, вот только пришлось снять одну сетку с реки. А силок для ловли птиц сделали уже из подручных материалов. И, как оказалось, птица не была напугана людьми и силок быстро помог наполнить птичник, так что вопрос с яйцами был решён. Конечно, куры бы подошли больше, но, как говорится «на безрыбье и рак – рыба».

За время зимовки уже понимали сколько продуктов нужно, поэтому трудились, не покладая рук. К счастью, других людей по близости не было и конкуренции в заготовки пропитания не возникало. Сходили на разведку на другой берег, где нашли несколько диких абрикос, растущих на краю поля. Да и само поле хоть не было таким уж как в прошлую осень, но много зерна дало всходы, так что запастись можно было и здесь.

Голицын не заметил, как пролетела весна, а лето уже достигло своего экватора. Он встал рано, ещё до восхода солнца и сидел сейчас на пристани, ожидая, когда из-за берега появиться солнце. На удивление, сейчас он был спокоен: расчёт показывал, что запастись продовольствием они смогут, причём даже сделают приличный запас, с дровами тоже проблем не будет, одежда и прочие предметы обихода есть; найденная в одном из домов книга народной медицины тоже настраивала на отличный лад, к тому же по мимо описания там были ещё фотографии, так что траву находили быстро, а уж сушить и хранить её было где. Странное ощущение было от этой крестьянской жизни, казалось бы, человек привыкший

к комфорту, попадая в такой необитаемый мир, должен тосковать и пытаться выбраться из него, а тут наоборот – больше не хочется шума машин, стен квартиры и деловых костюмов, а прогулка босиком не сравнится ни с какими туфлями.

Солнце осветило край берега, начинался новый день с теми же заботами, хотя нет, слово «заботы» тут было не правильным, даже слово «дела» не подходило к их укладу жизни. Тут он даже не мог подобрать слово, потому что описать это состояние от того, что сам делает руками, было трудно. Искупавшись в реке, Голицын двинулся к дому, где Степан уже развёл костёр и поставил чайник.

Ростовское лето в отличии от лета на побережье было ласковым, не таким уж жарким, больше похожим на сухой пар в бане, согревающий, но не обжигающий. И это лето вдохнуло в него новую жизнь, отогнав прошлые муки совести, мысли и воспоминания.

Жизнь кипела до самой середины осени. За это время семья запаслась злаками и себе и для пропитания птицы, насушили и накопили рыбы, да и куда же без копчёных уток. Соленья и мёд, травы и ягоды, грибы... подвал опять был полон припасов, а жизнь опять начинала впадать в спячку. За октябрь Степан и Ратмир использовали по назначению самогонный аппарат, сделав запас спирта в трёх баллонах. А ещё брага подарила дрожжи, которых так не хватало при выпечке хлеба и теперь на столе лежал красивый пышный по-

довый хлеб. Приготовление к дождям и холоду было завершено, оставалось только ждать, ждать, ждать и ждать. За это время рассмотрели карту, составили новые маршруты исследования и ждали снега. А когда пришёл снег, то настало время новых приключений: для детворы во дворе, а для мужчин в неизведанных селах. К большому счастью все эти приключения прошли без проблем и к весне семья разжилась уже новым имуществом, стройматериалом. Прошло ощущение «робинзонов» и семья уже прекрасно адаптировалась к реалиям их нынешней жизни. Первые месяцы весны прошли в приготовлениях к сезону посадки растений.

К середине дня солнце уже согрело приятно, и Голицын сидел на берегу реки на причале, забросив удочку. Всё, что было запланировано на сегодня уже сделали и каждый занимался чем хотел. Поплавок мирно покачивался на волнах, даже не думая нырять под воду, да и Голицын не сильно за ним следил. Ему нравилось сидеть здесь, смотреть как бегут воды Северского Донца, как ветер волнует камыш на противоположном берегу, как молодая ещё ярко зелёная трава окрашивает склоны, пряча под собой сухостой. А ещё ему нравилось, как звучит мир вокруг. И он отмечал, что шум города уже ему не кажется чем-то обычным, скорее, он резал бы сейчас слух и был бы неприятен.

Услышав шум шагов за спиной, он не стал поворачиваться, ведь кого-то постороннего тут не было, и со временем осознание этого чётко впечаталось в восприятие. Алек-

сандра подошла и села рядом, держа в руках две чашки чая. Смешно, но они до сих пор называли заваренные ветки и листья плодовых кустов и растений чаем.

– Обед ещё не готов. – Сказала она, протягивая кружку.

Голицын улыбнулся и взял кружку двумя руками. Этот приятный миг, когда кружка обжигает ладони напоминал о той, прошлой жизни.

– Саш, ты часто вспоминаешь ту нашу жизнь? – Спросил он жену.

В ответ она улыбнулась, села рядом с ним:

– Раньше часто было, не хватало многого, а теперь уже реже. Вспоминаю какие-то моменты жизненные, не связанные с бытом.

– А если бы можно было всё вернуть обратно, чтобы не было болезни. Хотела бы?

– Нет. Тогда бы всё текло так, как и было. Тебя бы мы видели чаще по телевизору, дети и внуки росли бы в Интернете, и мы бы потеряли то, что принято считать семьёй. Не в юридическом смысле, а в моральном.

– Я тоже об этом думал. Вот только знал бы раньше что и как, то этот бы домик снабдил лучше.

Они засмеялись. Уходить с причала не хотелось, к тому же прохладная вода так приятно остужала ноги.

– Я часто думаю о том, какое бы будущее нас ждало, если бы не случился этот переворот. – Прервав молчание, произнёс Голицын. – И понимаю, что я ничего бы не смог дать

стране и людям, путей развития и сохранения целостности страны я не знаю, да и вряд ли бы кто-то при таком дефиците человеческого и мозгового ресурса смог бы предложить что-то оптимальное.

– Не забивай себе голову, ты правильно сделал, что не стал цепляться за власть из последних сил. Народ запомнит тебя не тираном и самодуром, и смерти желать тебе никто не будет. В этой ситуации нет выхода правильного и приемлемого для всех. Я думаю, что и страна сейчас в большей степени состоит из таких аскетов как мы или небольших деревушек, которые благодаря своей отдалённости от областных центров или аскетичности остались живы.

Они снова замолчали, смотря на то как плавают поплавок на воде. Когда из-за поворота появилась лодка, они даже не сразу поверили своим глазам. Но это действительно была лодка. И в этой лодке были люди. Видно было двух: один из них грёб вёслами, а второй сидел на носу лодки. И люди заметили их. Голицын встал и помахал им рукой. В ответ тот, что грёб вёслами тоже встал и помахал рукой. Лодку он направил к пристани. Когда лодка была уже близко они рассмотрели, что в лодке по мимо мужчины и женщины есть ещё двое детей. Лодка причалила к их маленькому пирсу.

– Здравствуйте, – отчётливо произнёс мужчина. – Не ожидали увидеть тут людей. Разрешите сойти на берег?

– Конечно, конечно. – Голицын протянул руку и взял верёвку.

Как оказалось, неожиданные гости – это ещё одни скитальцы в поисках благоприятного места. Мужчину звали Хвичи, его жену Марией, а детей Георгием и Тамарой. Дети были чуть старше внуков Голицына, да и сами Хвичи с Марией были тоже ещё молодыми людьми. Уже за обедом Хвичи поведал, что начали они свой путь из Тулы, когда эпидемия только выходила на свой пик, жили то у одних родственников, то у других, постепенно всё дальше и дальше удаляясь от городов. Потом решили, что более безопасно жить самим и на своём микроавтобусе двинулись в сторону Чёрного моря, чтобы обосноваться на побережье. Но микроавтобус потом сломался в районе Каменска-Шахтинского и его удалось выменять на большую лодку. Плыли они и за это время дважды встречали поселения людей. В обоих поселениях их принимали, давали пищу и кров, снабжали припасами, и они плыли дальше. Последнюю ночь пришлось ночевать в заброшенной деревне вверх по течению.

По ним было видно, что к странствию они не приспособлены, да и черноморское побережье было просто надеждой нежели расчётом. Смотря на них, Голицын думал о том сколько ещё таких странников, спасаясь от чумы, бросили свои дома и отправились в неизвестность.

– Хвичи, – обратился Голицын к гостю, – а вы не думали, что там на побережье людей не меньше, чем в городах. Мне кажется, что многие устремились туда в надежде на приятную погоду и спасение от чумы?

– Конечно думал, но куда мы на лодке то денемся? Нам нужно зимовать где-то, да и всю жизнь скитаться мы не сможем. А там есть шанс начать жизнь вот такую как у вас. А чума... Я очень надеюсь, что там её нет.

– Я тоже надеюсь, что она отступила.

После обеда, пока дети играли, а Хвичи с Марией перелаживали вещи в лодке, Голицын позвал семью.

– Я вот что думаю, – начал он, – их путь – это лотерея, даже если им посчастливиться на этой лодке добраться до побережья, то им не гарантирована райская жизнь. И поэтому выношу на повестку дня вопрос о том, чтобы предложить им остаться у нас. А за теплый сезон мы сможем построить им дом, да и продуктами запастись. Кто за?

Если бы все голосования в правительстве проходили так, то законы штамповали бы пачками – все домочадцы были за идею Голицына. И, заручившись поддержкой семьи, он озвучил это семье Хвичи.

– Мы посоветались на семейном совете, – начал Голицын, ставя кружку с чаем на стол, – и подумали, что ваше путешествие очень авантюрное и его успех очень сомнителен. Поэтому предлагаем вам остаться у нас. За теплые дни мы успеем построить вам дом, а продуктов заготовим больше. Здесь у вас есть возможность и жить, и воспитывать детей, и быть в безопасности.

Хвичи молча смотрел в стол, потом поднял глаза и произнёс:

– Я и сам знаю, что наше путешествие очень опасно, да и будущее там не определено, мне очень нравится ваше предложение, но я не хотел бы стеснять вас ещё и нашими заботами.

– Забота друг о друге – это путь к успеху.

Хвичи улыбнулся:

– Прямо как ваш предвыборный лозунг. – Увидев удивление на лице Голицына произнёс. – Даже с бородой я узнал вас, господин президент. И мне очень лестно, что вы предлагаете мне помощь, но я не хочу стеснять вас.

– Ну я уже не президент, но приятно, что ещё меня узнают. Ну а про стеснение я вам отвечу нашей поговоркой «в тесноте, да не в обиде». Поэтому ваш вопрос решаем в положительную сторону. Вытаскиваем вещи из лодки и начинаем стройку. Поверьте мне, и нам будет не так одиноко, и вы обустроите свой новый дом, и дети смогут получить знания, и вместе же жить веселее.

Под постройку дома выбрали место на соседней опушке, пока носили глину и камни из реки, Хвичи предложил подняться вверх по течению реки и разобрать один из деревянных домов, спустить его по воде, а тут просушить и поставить заново. Идея оказалась очень рациональна, поэтому наскоро была организована первая экспедиция, в ходе которой загрузили в лодку окна, двери, металлические части печи и Степан с Голицыным отправились в обратный путь, а Хвичи и Ратмир остались разбирать дом. На следующее утро,

быстро управившись с делами, Голицын и Степан сменили Ратмира и Хвичи на разборке дома. Так за три дня дом был разобран по брёвнышку. На узкой части реки в районе дома Голицын и Степан реку перегородили веревками, к палкам привязали топоры, сделав подобие багров, а Ратмир и Хвичи, столкнув все брёвна в воду, поплыли следом на лодке. Тихое течение Северского Донца доставило брёвна уже ночью, так что почти до утра пришлось их выскивать и вытаскивать на берег. Перед восходом солнца были вытащены на берег последние брёвна и все четверо мужчин устало улеглись на берегу. Ещё месяц им потребовалось, чтобы поставить дом, затем укрыли крышу вязанками сухого камыша, обжигали глиняные кирпичи для печи, ставили окна и двери, настилали пол. Мария и дети тоже очень легко влились в новую жизнь и быстро приспособились к её реалиям. Уже к середине августа семья Хвичи въехала в свой собственный дом.

Ещё две пары взрослых рук оказались как раз кстати, заготовка на зиму проходила быстрее, чем в прошлую осень, а изобретательность Ратмира не давала покоя Хвичи и Степану. Сам Голицын несколько раз пытался что-то сделать руками, но как оказалось, сын и Хвичи были к этому более расположены.

Сентябрьское солнце приятно грело, Хвичи сидел на крыльце, не спеша плёл силки из капроновой верёвки, найденной при разборе дома, все дети сидели рядом и слуша-

ли его рассказы о Грузии. Голицын сел рядом с ними, ему нравилось слушать как рассказывает сосед, было в его голосе, что-то убаюкивающе-загадочное, навеивало воспоминания из детства, когда перед сном читали сказку. И Хвичи тем временем рассказывал детям о Грузии:

– А ещё там бывает так, что облако опускается на гору и когда идёшь по дороге, то не видишь соседней горы. Вместо неё все как в молоке, и впереди тоже все белое, только иногда верхушки деревьев торчат из облака. А потом, когда солнце начинает светить ярче, то облако начинает подниматься и под кронами деревьев оно оставляет капельки, и весь лес тогда блестит в лучах солнца и если смотреть снизу-вверх, то всё дерево блестит как на Новый Год ёлка...

Голицын не первый раз слушал рассказы Хвичи о Грузии, о её природе, о еде, которую готовят там, о том, как живут там люди. И каждый раз у него начинали блестеть глаза от этих воспоминаний. Хвичи замолчал и положил на землю сплетённый силоч.

– Хвичи, – обратился к нему Голицын, – ты так рассказываешь о Грузии, что я заслушиваюсь тебя. И жалею, что ни разу там не побывал.

– Много потеряли, Владимирыч, замечательная страна.

– Скучаешь по ней сильно?

– Скорее по детству, проведённому там. У меня там жили бабушки и дедушки, соседями были, и родители на летние каникулы меня к ним отправляли. Сам я хоть и грузин по

крови, но родился в Воронеже, и даже говорю на грузинском языке плохо, и пою плохо, – он улыбнулся, – но детство, проведённое там помню до сих пор. Я после пятнадцати лет там ни разу не был, хотя и была возможность, конечно.

– Почему же не был?

– Не хотелось терять ту детскую сказку, которую мне дарила на летних каникулах Грузия. Мои бабушки и дедушки переехали жить в Россию и лет до двадцати мне не к кому было ехать туда. Потом часто вспоминал, думал об этом, хотел поехать, а потом как-то подумалось, что ведь сейчас всё, что я увижу уже не будет моей сказкой и те воспоминания, что остались с детства потеряют свою магию. Вот и сейчас, когда рассказываю об этом – словно в сказку возвращаюсь.

– Да, такие воспоминания греют душу в трудные минуты. Я сейчас тут часто вспоминаю юность, молодость. Особенно, когда на душе грустно.

– Если чувствуем, значит живём, Владимирыч. А жить нам есть ради чего.

– Есть конечно, Хвичи.

– Мне тут на ум мысль одна пришла недавно: вы здесь жили одни, потом приютили нас, теперь уже мы как мини община, но ведь по стране бродят много таких как мы. Что если по реке или по дороге будут тоже двигаться такие же горе-путешественники? Ведь многие просто от безысходности шатаются, а тут мы можем дать им шанс, как вы дали нам. И тогда уже будет община, а потом и своё мини-госу-

дарство можем построить. У вас опыт есть громадный, а те, кто получит шанс тут выжить – будут рады вместе строить цивилизацию.

– Цивилизация проживала десятилетия и века, прежде чем становилась цивилизацией, а я уже не молод. Да и время сейчас таково, что развитие у нас будет даже хуже средневековья.

– Ну и пусть, ведь после нас останутся наши дети, а потом внуки. Ведь всё равно Земля возродит человечество. Неужели вы не думали о том, что весь мир сейчас почти не обитаем и только Россия имеет возможность дать жизнь тому миру, который вырастит в цивилизацию, ведь здесь и сейчас больше всего людей и если мы начнём создавать поселение, то где-то, услышав об этом, тоже создадут своё и так дальше и дальше.

Голицын задумался. В словах Хвичи было разумное зерно, пусть и плоды оно даст через столетие, но ведь его должен кто-то посадить, а почему бы не стать этим кто-то?

– А почему бы и нет, друг мой, мы ведь ничем не рискуем. – Голицын встал. – Если не попробуем – не будем знать сможем или нет.

– Я рад, что вам моя идея понравилось, – Хвичи тоже встал, – нас ждёт много трудной работы, но, как говорится «в гору подъём труден, зато вид прекрасен».

Этот разговор, конечно, не перевернул мировоззрение Голицына, но зародил в нём идею, которая сменила чувство

вины за случившееся. Теперь он чаще размышлял как лучше устроить их новый мир. А пока нужно был приготовиться к зиме. И с этим они справлялись очень хорошо. К рыбе и птице добавилось мясо косули, которую удачно подстрелили из арбалета, а ещё впервые за долгое время был картофель, а не сухой его аналог, а ещё было подсолнечное масло, вино, изюм и горох с фасолью.

15.

Чуть позже Хвичи и Голицын сидели на рыбалке, наслаждаясь видом заходящего солнца.

– Владимирыч, мы, когда сюда плыли, то вверху по течению видели дома, жилые. И это было в двух-трёх днях пути. Я, насколько успел рассмотреть, увидел, что там хозяйство у людей. Может быть организовать к ним поход. Возьмём что-то из своих запасов и попробуем с ними поменяться. Куры думаю у них есть, а может быть козы или ещё лучше коровы.

– Идея хорошая, – Голицын перекинул удочку, – а что мы им предложим? Я не думаю, что у нас есть то, чего нет у них.

– У меня есть немного золота, – Хвичи тоже перебросил удочку, – деньги сейчас никому не нужны и обесценились, а золото, я думаю в ходу.

– Я и не подумал об этом. У нас тоже есть золото. Давай попробуем. Возьмём для начала немного золота и попробуем установить с ними дружеские отношения.

Дальше рыбачить уже не было желания, и они поспеши-

ли обратно, чтобы обсудить эту идею. Обсудив её решили, что идея стоит того, чтобы попробовать, да и откладывать на долго не хотелось. В поход было решено идти вдвоём – Голицын и Хвичи. Рано утром, сев в лодку, они отправились вверх по течению. К счастью, Северский Донец не имеет сильного течения и грести веслами было не так тяжело, но всё же этот поход занял почти три дня. Когда они причалили к берегу, то на склоне их уже ждали несколько мужчин.

– Кто вы и за чем приплыли? – Спросил один из них.

– Мы живём ниже по течению, – ответил им Голицын, – в нескольких днях пути. Мой товарищ, – Голицын указал на Хвичи, – раньше спускался по реке и видел ваше поселение, видел, что у вас здесь устроен быт. Мы только начинаем устраивать свой и хотели предложить купить у вас животных.

– Нам не нужны деньги. – Ответил всё тот же мужчина.

– Мы платим золотом. – Голицын шагнул на берег.

Стоящие на склоне берега не слышно переговорили между собой.

– Кого вы хотели купить? – Спросил всё тот же.

– Кур. Возможно гусей и коз. Всё будет зависеть от цены. У нас не много золота. Так что обсудим?

– Оставайтесь там, где стоите. Может вы больны и заразите нас. Мы можем продать вам и кур, и гусей, и коз, но должны увидеть золото.

– Как же мы вам его покажем, раз вы боитесь подойти?

– Положите его на землю по середине между нами.

– Чтобы вы забрали его? – Вступил в разговор Хвичи. –

Мы вас тоже не знаем.

– Если бы мы хотели, то забрали бы всё силой. Мы порядочные люди и не собираемся вас обманывать.

Голицын достал из кармана золотые украшения и, пройдя несколько метров, положил их на землю, после чего отошёл обратно к лодке. Один из мужчин спустился, поднял золото с земли и стал рассматривать, после чего положил его на место и вернулся к своим.

– За это золото мы можем предложить вам двадцать кур и десять гусей, но взрослых дать не можем, дадим молодняк. Козу и козла тоже дать можем. Ну ещё продуктов дадим немного. Вас устроит?

– Устроит. – Голицын решил не торговаться, чтобы построить диалог с новыми соседями.

– Ждите здесь, мы все приготовим.

Голицын и Хвичи остались сидеть на берегу около лодки, на верху склона тоже остался один из мужчин. Видимо его оставили, чтобы следил за гостями и не дал им возможности подняться в поселение.

– Меня Михаил зовут, а это мой друг и сосед Хвичи. – Голицын первым начал разговор.

– Я Сергей. – Вполне дружелюбно ответил мужчина.

– Сергей, вы не пускаете в себе близко посторонних людей. Это как-то связано с мерами недопущения болезни или

что-то ещё?

– Только с мерами. Мы опасаемся, что кто-то может принести нам чуму и тогда всё, что мы имеем погибнет.

– Да, это разумно. – Заметил Голицын. – Я немного издалека успел рассмотреть ваше поселение. Мне показалось, что дома у вас построены не так давно.

– Да, здесь раньше был просто берег, а когда начала распространяться болезнь, когда ещё в наших краях не было её, а только в Сибири, несколько семей решили, так сказать, подстраховаться. Кто-то из своих запасов, кто-то взял кредит, наняли рабочих и нам тут построили дома из сруба, хозяйство своё завели, ну, конечно, запасы тоже сделали хорошие, перед тем как сюда прийти. И, как оказалось, мы не прогадали. Кредиты отдавать не кому, деньги обесценились, жизнью чума в городах забрала множество, а у нас тут всё спокойно.

– Да, вы оказались проницательными. Много у вас семей?

– Тридцать семей, тридцать дворов. Мини деревня. А вы откуда?

– Я и моя семья из Москвы, – указав на Хвичи, он добавил, – его семья из Тулы. Мы перебрались сюда уже после того как началась эпидемия. Там ниже по течению мы и поселились, потом встретили Хвичи с семьёй и решили, что вместе жить проще. Он рассказал, что видел ваше поселение, вот и решили приехать к вам.

– У нас раньше гостей не было, так что извините, что не

гостеприимно вас встретили.

– Ничего страшного, мы прекрасно понимаем ваше беспокойство. Это логично, чтобы не заболеть.

– Сергей, а что в стране твориться? У вас есть связь, радио? – Вступил в разговор Хвичи.

– Нет, к сожалению, ветряная электростанция у нас сломалась год назад, а починить её нечем. Батарейки сели, так что связи с внешним миром у нас нет. Да оно и к лучшему. Когда было радио и телевизор только и были новости о количестве умерших, о новых очагах болезни. В общем сплошной негатив. А сейчас спокойно стало, перестали нервничать, постоянно думать об этом, обжились.

– У нас вообще нет электричества, – продолжил Хвичи, – так что мы в полной информационной изоляции.

– Сергей, вы же все местные тут? – Перебил их разговор Голицын.

– Да, все.

– А другие поселения, выше или ниже по реке есть? Небольшие, такие, где могли бы остаться жить такие же, как и мы с вами люди?

– Вряд ли. Тут по берегам всегда были многочисленные поселки, в несколько тысяч человек, а мелкие только в дали от реки были, да и то несколько штук. Усть-Донецкий тут недалеко, но, насколько мне известно, там тоже чума погуляла и сейчас он пуст, что выше я не знаю. Я думаю, что из маленьких деревушек жилых тоже нет. Они-то хоть и более

обособлено жили, но всё равно сильно зависели от крупных поселений, теме же продуктами, лекарствами. И если один привёз заразу, то все её хватали и умирали.

– Да. – Голицын провёл руками по волосам. – Наверное, жизнь осталась только в изолированных местах или, каких-нибудь подобиях резервации. Кто бы думал, что болезнь может так уничтожить весь мир.

– Да, когда-то это казалось лишь сценарием для кино, но... увы. Человечество получило наказание за свою деятельность в отношении природы. Уж сильно мы вознесли себя над ней и начали сами уничтожать её, вот и получили.

– Не поспоришь. – Голицын тоскливо взглянул в небо. – Всё требует равновесия, а мы его нарушили. Теперь остаётся жить вот такими группами, хранящими только воспоминания о былом.

– Ну мы изменить уже ничего не можем, а жить и грустить о прошлом, я не вижу смысла. Лучше строить новый мир, пусть и начинать придётся почти с нуля, но с другой стороны не в каменный же век нас отбросило. Да, у нас нет благ цивилизации, но у нас есть жизнь, есть свобода, есть возможность жить и развиваться, производить руками всё необходимое, а не покупать в магазине. Мы живы, а, значит, нам повезло больше.

– Мне нравится твой оптимизм. – Голицын улыбнулся. – Мы живы, а это важнее отсутствия электричества, интернета, супермаркетов и всех благ цивилизации.

Они ещё пообщались на отвлечённые темы, больше связанные с особенностями нынешнего быта, воспоминаниями прошлого. Минут через тридцать подошли остальные мужчины, которые принесли клетки, связанные из деревянных прутьев, в которых были птицы, привели двух молоденьких козлят, а ещё принесли сыр, хлеб, сало, соль и немного вина. Ещё подарили двух щенят – обычные дворняжки с разных помётов. Как сказал Сергей: «Будите охрану разводить». Не подходя друг к другу, они обменялись, после чего, попрощавшись, Голицын и Хвичи двинулись домой.

Обратный путь занял чуть больше двух дней, спокойное течение реки не создало никаких проблем и мужчины с ценным грузом прибыли в родные места. Привезённые деликатесы были встречены с радостью и съедены практически сразу. Щенки привели в восторг детвору, да и взрослым они тоже радовали глаз. Вечером, сидя у костра, мужчины пересказывали своё путешествие, разговор с Сергеем, а также планировали будущее. На следующий день отправились в «магазин стройматериалов» – так они называли деревню, стоящую верх по реке, где разбирали брошенный дом. Там запаслись досками, из которых уже у себя построили сараи для животных.

Дома были подготовлены к осени, запасы сделаны и к зиме все были готовы. Сентябрь уже заканчивался, мелкие морозящие дожди становились каждодневными, редкая рыбалка или охота являлись единственными развлечениями.

Голицын сидел и смотрел в окно, выходящее на реку – капли дождя делали водную гладь похожей на кипящую, капли дождя стекали по стеклам, в доме было тепло и сухо. Александра подошла сзади, обняла мужа:

– О чём задумался?

– Думаю о том куда в эту зиму двинуться, что нам нужно, что мы можем сделать.

– Прошное уже отпустило тебя?

– Не совсем, но уже думаю о нём реже, наверное, перерос. – Голицын улыбнулся и погладил руки жены. – Привык к этой жизни, что ли.

– Я иногда думаю о прошлом и мне кажется, что сейчас мы счастливее, мы семья и все рядом, и жизнь у нас вместе, а не у каждого своя виртуальная. Даже, не смотря на трудности, я сейчас чувствую себя счастливее. Хотя звучит кощунственно, на фоне смертей от болезни.

– Что могли то мы сделали для страны? – Голицын прижался головой к жене. – Мы живы и это не вина наша. Я раньше сильно переживал из-за этого, думал, что участь капитана умирать вместе с судном, но потом понял, что смерть моя ничего бы не изменила, да и глупо умирать, когда судьба дарит тебе шанс выжить.

– Я рада, что тоскливые мысли ушли от тебя. Сделать ванну?

– Буду очень признателен.

В горячей ванной, с камином, в котором потрескивали

дрова, в полумраке комнаты Голицын расслабился, вдыхая аромат настоя каких-то трав, собранных ещё летом. Он задумался, а ведь действительно, и он счастлив. И когда у него была власть, деньги и любое желание, что он хотел исполнялось, он не чувствовал себя так. Рядом была семья и они были счастливы. И от этого он сам был счастлив. И не важно, что одет не в одежду от модных модельеров, что нет машины и кучи людей, выполняющих его приказ. Важно, что его семья и он сам избежали смерти, что сплотились перед испытаниями этой новой жизни, и что сейчас даже этот пасмурный день не способен омрачить настроение. Он улыбнулся. Всё же здорово, что есть будущее, что рядом люди, которые тебя поддерживают, верят в тебя, которые рядом не потому что ты лидер страны, им не важно кто ты, и любят тебя не за что-то, а просто так. А какое было бы будущее в том мире, останься он у власти? Вряд ли лучше этого. Можно сказать, оппозиция принесла ему больше пользы, чем бед. Теперь будущее было в его руках. И от того, как он им распорядиться, будет зависеть будущее его семьи и семьи Хвичи. А для этого надо развивать их поселение, нужны новые экспедиции, новые находки и новые знания.

Жизнь заиграла новыми красками. В душе проснулся тот путешественник, который живёт в каждом мальчишке, который прочитав книгу о приключении начинает исследовать окружающий мир, открывая всё новые и новые его грани; тот путешественник, который с годами прячется в мальчиш-

ке всё глубже и глубже, задавленный стереотипами и запретами. А сейчас некому осуждать его, и не перед кем оправдываться. Сейчас можно быть сами собой.

Он открыл глаза и посмотрел на потолок – тени и красноватый свет от огня камина причудливо скакали по нему. И тут же вспомнилось детство, когда он ещё маленьким мальчиком вместе со своими родителями в последние дни зимних каникул приехали в гости к бабушке и дедушке в деревню, а после полудня начался такой снегопад, что где-то оборвались провода и вся деревня осталась без света. Из источников света были только свеча и угольная печь. Вот тогда он, лежа под одеялом, смотрел как сквозь прогоревшие конфорки печи огонь освещает стены и потолок, как скачут тени. А за окном снег всё шёл и шёл, к тому же ещё и метель поднялась. А в доме было тепло и уютно, под одеялом, на мягкой перине. Из-за снегопада пришлось на пару дней задержаться в гостях, но даже, когда починили свет, Голицын выключал его и вечерами смотрел на огоньки из печи.

Когда он вышел из ванной, все уже спали, за окном всё так же барабанил мелкий дождь. Стараясь не шуметь, Голицын пробрался в спальню и, укрывшись с головой одеялом, уткнулся носом в подушку – мир снова был ярок и светел.

Долгая осень в этом году уже в ноябре подарила снег и возможность первых походов. Как всегда, были выбраны ближайшие деревни, определены маршруты и время. До Нового Года удалось сделать четыре вылазки, в результате ко-

торых в их распоряжении появилась «новая» одежда, обувь, книги, садовая и кухонная утварь и прочая необходимая в хозяйстве мелочь. А отпраздновав Новый Год, решились на самую опасную вылазку – в Усть-Донецкий. Этот рабочий посёлок был южнее и находился как раз в месте, где Северский Донец впадал в Дон. В былые времена он являлся районным центром и был неплохо развит для своего статуса. До этого выход в город даже не обсуждался, да и крупные посёлки обходили стороной. В этот раз Голицын пошёл сам, взяв с собой Степана и ружьё. Сани взяли поменьше, чтобы не сильно медлить в дороге.

Лёд на реке стал хороший, поэтому обошлись без обходов, а перейдя Северский Донец по льду, вышли к восточной окраине посёлка уже к ночи первого дня пути. Рассудив, что входить в него ночью не стоит, поставили палатку на берегу и решили заночевать. Если кто-то видел город без малейших огней, то прекрасно поймёт, что простиралось на другом берегу реки: тёмные остовы бывших баз отдыха, укутавшиеся в разросшиеся деревья, за ними на горизонте просматриваются крыши многоэтажек, а между ними лежит частный сектор и ни одного огонька, лая собаки, голоса людей. Тишина. Тёмная, страшная, мертвая тишина города-призрака, города, уснувшего вечным сном и от того ещё более страшным. Сон рядом с ним был прерывистым, путанным и держал в напряжении. Но и лучи солнца, осветившие Усть-Донецкий не изменили картину. Только теперь он был не тёмный, а

серый призрак. Никакого движения в городе так и не обнаружилось, после чего решили всё же идти в глубь. Перейдя реку в районе пляжа, они обогнули базы отдыха и частный сектор, и направились сразу в центр посёлка. Чем дальше заходили они, тем больше понимали, что тут им ничего не осталось: разбитые витрины магазинов, заброшенные церквушки с распахнутыми дверьми, пустая школа с выбитыми окнами верхних этажей, пустые глазницы домов, захламлённые улицы и припаркованные на вечное гниение авто. Тут не встречалось ни собак, ни кошек. Даже птиц не было видно. Такое ощущение, что жизнь тут просто умерла вся. Даже в Припяти после аварии на ЧАЭС остались звери, которые потом расплодились и заняли эту нишу заброшенного города. А вот тут ничего. Дойдя до больницы, они решили дальше не идти. Посёлок умер, когда последние жители покинули его. Голицын не знал сильно ли тут свирепствовала эпидемия, куда делись все жители и что тут происходило в последние дни жизни этого места, но и вид того, что есть заставлял его содрогаться. Дальше оставаться они тут не захотели и, не став обследовать ничего, двинулись домой. Желания разговаривать почему-то не было ни у одного, ни у другого.

Вернулись домой они так же, как и уходили – налегке. По лицам было понятно, что эта вылазка была полностью неудачна. Сильно вдаваться в подробности ни один, ни второй не стали, а рассказали в общих чертах о том, что видели. Да и этого было достаточно, чтобы осознать то, что дав-

но было задвинуто на задворки памяти: мир исчез. И теперь большая часть городов выглядит именно так, а те, в которых осталась жизнь, наверное, выглядят ещё хуже. Больше решили в города не ходить, так как и взять там нечего, да и лишний раз видеть тот мир, который изо всех сил пытаются забыть не хотелось. До конца зимы осуществили ещё пять таких походов, но уже в мелкие населённые пункты. Изо всех было что привезти, а сами походы прошли спокойно и гладко.

16.

Прошло пять лет с того времени как изменился мир, как исчезли страны, как население Земли уменьшилось с катастрофической скоростью, как те, кто выжил откатились на несколько веков назад и всё то, что было само собой составляющее жизни осталось только в памяти. Стёрлись не только границы, но многонациональный мир. И теперь вся Земля принадлежала животным, рыбам, птицам и всем остальным живым существам. И каждая жизнь теперь старалась улучшить своё место под солнцем. Даже слабые травинки и семена пробивали свою жизнь во всех мыслимых и немыслимых местах: бетон, асфальт, камень – всё, где они могли уцепиться, становилось началом новой жизни. Города, ранее процветавшие и дающие дом множеству семей, теперь остались только в памяти и на картах, дороги – артерии страны, теперь стали ареной битвы растений и асфальта, автострады

и шоссе нещадно ломались молодыми деревцами, кустарниками и травами.

По такой автодороге, ранее очень оживлённой и соединяющий крупный города Ростовской области – Волгодонск и Новочеркасск, не спеша ехал велосипед. Хотя назвать это чудо техники велосипедом даже не сразу приходило в голову. Прицеп от легкового автомобиля, облегчённый и немного видоизменённый был приварен оглоблями к спортивному велосипеду. Может быть несколько лет назад эта техника и была бы причиной насмешек над его владельцем, но сейчас среди заброшенных городов, разрушенной инфраструктуры, безлюдных полей он смотрелся даже органично. Да и сам велосипедист чувствовал себя, по-видимому, весьма комфортно. Не спеша крутя педали, он маневрировал между крупных кустов и деревьев, иногда останавливаясь попить воды или сверится с картой. Сейчас он всё чаще всматривался в окружающий пейзаж и в свою карту, боясь пропустить съезд. В очередной раз, остановившись прямо на проезжей части, он опять достал карту, долго рассматривал её, переводя взгляд то на горизонт, то обратно в карту. После чего опустил солнцезащитные очки и свернул на еле видневшуюся грунтовую дорогу.

Если асфальт прям таки был разорван молодыми деревьями, то грунтовая дорога всего лишь заросла травой. Да и трава в августе не такая как в июне, она не цепляется за колеса жгутом, не пытается задержать продвижение, а поклади-

сто склоняется под колесами, позволяя не сильно напрягаться велосипедисту. Петляя по песчанику грунтовка всё ближе и ближе приближала его к лесу, если его можно было так назвать, не обидев воронежские или липецкие леса. И тем не менее, дорога вывела его в просеку, где всё ещё жаркое, несмотря на то, что было уже четыре часа после полудня, солнце не доставало своими лучами, а, прятавшаяся между деревьев прохлада, приятно остужала тело. Ехать тут было легче, просека не так сильно поросла, да и было видно, что этой дорогой пользуются часто. Лес то редел, то становился гуще, то появлялись опушки, то по бокам сплошной стеной росли кустарники. И всё же он расступился, открывая спрятанную среди деревьев деревушку. Без заборов и улиц, только дома и прильнувшие к ним хозяйственный постройки. Была слышна речь, детский смех, а собаки, увидевшие незнакомца, дружно залились лаем. Первым велосипедиста встретил невысокий смуглый парень.

– Добрый день вам! – Произнёс он с улыбкой. – Не часто к нам кто-то приходит, а тем более приезжает на таком странном велосипеде.

– Ну лучше так, чем пешком, – велосипедист улыбнулся в ответ. – Добрый день и тебе. Я Игорь. А тебя как зовут?

– А я Георгий. – Бойко ответил парень.

– Скажи мне Георгий, живёт ли тут ещё Михаил Голицын? Или я зря проделал весь этот путь? – Игорь слез с велосипеда.

– Живёт. А вы его откуда знаете?

– Мы знакомы с ним ещё до того, как он сюда переехал, с того времени, как чума бесновалась по стране. Ты можешь меня к нему проводить.

– А он вас знает?

– Ну конечно знает, раз я его знаю, как же он меня знать не будет.

– Его многие знают, он у нас такой человек.

– Какой?

– Особенный. Ну раз он вас знает, то пойдёмте провожу. Свой транспорт можете здесь оставить у нас никто не берёт чужое, а кроме нас тут близко никого нет.

Игорь хоть и неохотно расставался со своим средством передвижения, но решил, что в словах парня есть доля правды и всё же спешил и пошёл следом. Идти пришлось не долго. Дом Голицына стоял в самом конце поселения, в котором Игорь насчитал девять дворов.

– Владимирыч! – Громко крикнул парень. – Тут к вам гость незнакомый приехал.

Через минуту из-за угла дома навстречу Игорю вышел загоревший, одетый по-деревенски в штаны цвета хаки и синюю футболку мужчина, коротко стриженные седые волосы торчали ежиком, а тёмная с проседью борода придавала его лицу благородный вид.

– Добрый день, Михаил Владимирович. – Произнёс Игорь. – Повезло, что смог вас всё же найти.

Голицын подошёл ближе и пристально посмотрел на гостя. Вроде бы черты лица были знакомы, но с другой стороны перед ним стоял и незнакомый человек. Крупные морщины залегли на лбу, один глаз был опухшим и красным, явно натерт был недавно, кожа со следами недавней прогулки под палящем солнцем, да и одет он был легкий спортивный костюм.

– Ну могу понять кто вы? – Голицын оперся на растущее рядом дерево.

– Игорь Скромнов. Помните?

– Да, точно. А я-то гадаю откуда вы мне знакомы. – Голицын пригладил волосы на голове.

– Прогоните или примите как гостя? – Скромнов улыбнулся.

– А чего же прогонять то? Заходи, Игорь Николаевич, думается мне, что проделал ты путь не близкий.

– С Москвы ехал.

– О как!

Голицын жестом пригласил путника следовать за ним.

– Как тебя судьба злодейка то гоняет. – Голицын улыбнулся. – Давай как сначала в баню, а потом уже поужинаем, да и поговорим.

Это предложение полностью устроило Скромнова, к тому же баня уже была натоплена, и он с удовольствием добавил к августовской жаре ещё жара банного разбавленного ароматом кваса, выплеснутого на камни, ощутил на себе при-

косновения дубового веника, бодрящую прохладу Севрского Донца и гостеприимство хозяев. Голицын понимал, что за ужином соберутся все и всем будет интересно что и как в стране, поэтому не расспрашивал Скромнова об этом, чтобы тому второй раз не пересказывать всё. К своему удивлению Голицын заметил, что Скромнов не вызвал у него никаких отрицательных эмоций. Их встреча была похожа на то как одноклассники, которые в школе если не враждовали, то уж точно не особо дружили, встретились лет через двадцать: у каждого есть что сказать, что вспомнить, с чего посмеяться и о чём погрустить. Вот и Скромнов для него был таким одноклассником из прошлого. Наверное, такое чувствовал и Скромнов, совершенно не опасаясь Голицына и не ощущая в его словах и действиях подвоха.

Пока они парились в бане Голицын рассказал ему как поселился здесь, как начал обустраиваться, как учился новой деревенской жизни, как приплыл Хвичи, как познакомились с поселением выше по реке, как поменяли всё золото на птиц, кроликов, свиней, коз и коров, как повстречали других странников, как разрослось их поселение до девяти домов, как живут и как трудятся, как устроен их быт и вся жизнь, как обучают детей и своих и из села, что выше. Скромнов слушал не перебивая, особенно его впечатлило то из какого подручного материала удалось создать орудия быта и как прожили они первый год.

Наконец полностью очищенный от придорожной пыли и

отдохнувший Скромнов вышел из бани. К этому времени во дворе Голицына уже поставили несколько столов, рядом с которыми суетились женщины, на лавках сидели мужчины, постоянно скакали рядом дети.

– Прощу к столу Игорьь. – Голицын не называл его по отчеству или по фамилии, решив, что время светских раутов прошло, и сейчас это выглядит уже вычурно.

Стол был накрыт так, что Скромнов аж растерялся от вида всего, что на нём было. А было на нём многое: холодная окрошка, обильно посыпанная зеленью, запеченный гусь, утка и курица, запечённая рыба, жаренное мясо, варенный картофель со сметаной и укропом, копчёное сало с прослойками мяса, сыры, домашние колбасы, овощи и зелень, варенная кукуруза, виноград и фрукты, а в довершении этого на столе стояли несколько бутылок, с запотевшими стенками, скрывающие прозрачный дистиллят, несколько бутылей с квасом и пивом.

– Я в Москве не видал такой стол как здесь! – Было видно, что удивление Игоря не наиграно.

Все поспешили к столу, быстро наполнились рюмки и Голицын, подняв рюмку, произнёс:

– Не так часто встречаем мы людей в нынешнее время, а гости к нам и подавно не приходят, так пусть же этот день ознаменует перемены в жизни, когда снова мы будем встречать гостей, собираться большими компаниями и не бояться новых болезней, пусть Игорьь будет первым гостем в нашей

новой жизни, открывшим дорогу всем остальным.

Все поддержали тост, чокнувшись рюмками. После того застучали ложки по посуде и на какое-то время над столом повисла тишина. В очередной раз наполнив рюмки, слово взял Игорь:

– Я очень благодарен всем вам, и особенно семье Голицыных за столь тёплый приём. Мне приятно, что, не смотря на наши прошлые противоречия, сегодня мы сидим за одним столом и это не стол переговоров, – он улыбнулся, – я желаю, чтобы судьба к вам была благосклонна, чтобы на плечи ваши больше не выпадало тяжб и горести, чтобы дети смеялись, а родители плакали только от радости за них.

И этот тост был встречен на «ура». Когда добрая половина стола опустела и все уже насытившись, жаждали общения, пришло время говорить Скрамнову.

– Игорь, – начал Голицын, – расскажи нам что было после того, как я ушёл с поста и уехал из Москвы? Какова ситуация-то?

Скрамнов видимо ждал такого вопроса, тем более он понимал, что все тут знают кто такой Голицын, да и пока они парились в бане, члены семьи Голицына рассказали кто такой он.

– Даже не знаю с чего начать, – Скрамнов замялся, – ну давайте начну с начала моей, так сказать, политической карьеры и всего, что было, ну а если что забуду, то спрашивайте.

Он выпил кваса, облокотился на стол и начал говорить:

– Когда случилась эта смена власти и вы всей семьёй уехали, то мы решили, что первым делом нужно изменить конституционный строй, мы отказались от президентства, создав управленческий совет, так что, Михаил Владимирович, вы были последним президентом страны. А я был первым председателем Совета. Задачу, возложенную на наши плечи, оказалось решить куда сложнее, чем мы это себе представляли. Наша надежда была на возобновление работы атомных станций, ГЭС и ГРЭС. Но когда дошла суть до дела, то оказалось, что запаса специалистов хватило, чтобы запустить только одну ГЭС, и та могла обеспечить электроэнергией только половину Москвы. Мы, конечно, организовали курсы и обучения жителей из других регионов, но возобновить работу нигде не смогли. К сожалению, у нас не было достаточного количества специалистов для наладки и пуска оборудования, так что первая попытка на Саяно-Шушенской ГЭС окончилась провалом, так как не смогли даже набрать плотину. Что-то там было с механизмами. На других объектах ситуация была не лучше. Атомные станции запускать не стали, всё по той же причине, да к тому же и нового топлива взять негде было, а отработанное утилизировать тоже не могли. Вот и решили, что не стоит нам повторять Чернобыль и Фукусиму, в нынешнее время эту катастрофу ликвидировать будет некому. С добычей газа и нефти тоже не сложилось, так что и ГРЭС запустить не смогли. В общем

электричество было только в половине Москвы. Как объяснить людям, что тепла не будет не знали, поэтому решили сменить акцент на территориальную свободу. К счастью, активность у наших границ сошла во многих местах на нет. Поэтому там, где не было людей мы открыли границы, объявив об этом. Ну а где ещё был народ, решили не открывать. Всё же меры по обеспечению здравоохранения, принятые вами, оказались правильными. Уже осенью мы издали указ о том, что военные корабли и подводные лодки, несущие службу на морских границах, могут причалить в доки и обеспечить, по возможности, ближайшие районы электроэнергией со своих атомных установок. Остальному населению пришлось сообщить о наших трудностях и порекомендовать запастись дровами на зиму. Очень повезло, что не поднялись новые волнения. Спасло то, что зима не была суровой, а многие из городов перебрались в деревни, где смогли себя обеспечить. Да и чума пошла на спад, количество больных резко уменьшалось, и мы к весне уже не регистрировали ни одного случая заболевания. Весной и летом мы предприняли попытки реанимировать ГЭС, но без обслуживания за месяцы простоя вся техника начала давать сбои, так что эту попытку мы оставили. Уже летом мы поняли, что поднять государство обратно на уровень цивилизованного развития не получится, да и единого управления уже нет. Часть регионов не выходило с нами на связь, часть приняли решение выйти и основать своё государство. Ни сил, ни средств на подавление

этого не было, да и целесообразности в таком методе не было. Мы, конечно, в Москве ещё продолжали строить планы развития страны, но где-то в глубине души понимали, что страна скатилась от газовой плиты к русской печи. Радовало одно – у нас больше всего осталось живого населения. Когда все ресурсы были исчерпаны, а кроме одной ГЭС ничего не работало, то было решено раздавать людям провизию из неприкосновенных запасов. А чтобы уровень преступности не поднимался пришлось платить правоохранителям золотом, так как деньги потеряли всякий смысл. Вот так постепенно начали пустеть запасы государства. На очередном собрании совета во всём этом обвинили меня, ну и я подал в отставку. Прекрасно понимаю, что возможно в этом и есть часть моей вины, но и остальные члены совета не предлагали ровным счётом ничего. Так что оправдываться смысла мне не было. После этого я соорудил вот это моё средство передвижения, взял, что может пригодиться в дороге и поехал к Черноморскому побережью. Думаю, там тоже есть поселения, вот и поселюсь в одном из них.

Скромнов окончил рассказ и за столом повисла тишина.

– А как к нам то попал? – Голицын первым её нарушил.

– А мне координаты ещё год назад Молотов дал, сказал, что скорее всего вы будете здесь, просил заехать, если будет возможность.

– А сам то он как? – Воспоминание о друге и соратнике растревожили сердце Голицына.

– Валентин Михайлович умер полгода назад он сердечно-го приступа. Очень жаль. Он с самого начала был со мной рядом и помог не наделать много ошибок, мы даже сдружились с ним. Замечательный человек.

Голицын умолк, он, конечно понимал, что Молотов тоже не молод, да и болезней у него было с избытком, но всё же весть о его кончине была как соль на рану. До последних дней Молотов продолжал спасать свою страну, отдал свой домик мечты семье Голицына, а сам остался поднимать страну с колен. Таких людей, наверное, больше и нет.

– Так, а что же с другими городами, где нет источника электроэнергии или ядерного флота? – Прозвучал вопрос женщины, сидевшей с боку стола.

– Основная часть жителей ушла из них в ближайшие деревни, а кто остался... – Скромнов задумался, – даже и не знаю, как и чем они живут. Может тоже какие-то приусадебные участки. Связь с ними была потеряна, ну а посылать туда с проверкой некого. Людей, как сами понимаете, мало. А правоохранители и армия в Москве нужна, чтобы те, кто остались жили спокойно.

– А что же в будущем планируют те, кто после вас у власти стал? – Теперь вопрос звучал от мужчины с другой стороны стола.

– Я не знаю, меня они не посвящали в свои планы и после того как я отошёл от власти, закрыли допуск к любой информации.

– А остальной мир? Там остались ещё люди? – Спросила та же женщина.

– Остались такие вот поселения изолированные, но сколько их никто не знает. Когда со спутника изучали изображения, то попадались некоторые поселения, но их никто не считал. Тогда больше беспокоились о состоянии атомных станций и химических заводов.

– А много аварий?

– Мы выявили всего две на химических предприятиях Африки и одну аварию на атомной станции на юге Аргентины. Но какие последствия и что послужили причиной мы не знаем. А вокруг нашей страны, да и внутри, к счастью, без происшествий. Так что за экологию можем не беспокоиться.

– Это сейчас, а потом, когда придут в негодность все станции... – Кто сказал Скромнов не увидел, но всё же ответил.

– И потом тоже не о чем беспокоиться. На момент консервации станции и химических объектов были предприняты меры по закупорке опасных веществ в специальные герметичные блоки. А на станции топливо так вообще переставало быть активным. Не знаю точно, как там всё делается, но после остановки реактора электроника сама помещает всё топливо в безопасные отсеки, и оно уже на распадается и просто там доживает свой век.

– Дай Бог. – Голицын налил ещё в рюмки. – Давайте помянем всех ушедших от нас в мир иной.

Выпили не чокаясь.

Дальше разговоров было ещё много, жители рассказывали Скромнову о своей жизни, о проблемах и планах, задавали ему вопросы, он же отвечал на них, при этом делился с ними своими планами, наблюдениями, воспоминаниями и опытом. Так просидели они до глубокого вечера.

Постепенно все разошлись по своим делам и Скромнов с Голицыным остались одни.

– Хорошо тут у вас, – Скромнов прошёлся по траве к пристани, – тихо, спокойно, по-деревенски уютно.

– Так оставайся у нас. – Голицын посмотрел на собеседника. – Сделаем тебе дом, будешь частью нашего поселения.

– Спасибо, конечно, но у меня другие планы. – Скромнов кинул в воду камень и, смотря на то как расплываются круги по воде, добавил, – я всё же хочу на побережье и там обосноваться. Хочется встретить старость с видом на море.

– Понимаю тебя. Когда ещё осуществить мечту, если не сейчас. Ты планируешь добраться на море на вот том транспорте?

– Да, я его и делал именно для этой цели. На самом деле он выглядит комично, но при этом весьма конструктивен и удобен. Я специально снял все тяжёлые части, а из тех, что остались многие заменил на алюминий. Да и велосипед скоростной, так что тащить за собой прицеп не тяжело. К тому же я не стал брать туда ненужных вещей: сухпайки, немного одежды, семян немного, воды вот и всё. Ну карабин ещё, для самообороны.

– Ну это уже не плохо.

– Ага, к счастью, применить его не было необходимости.

Поначалу ночью спал плохо, всё боялся, что кто-то нападёт. Первую ночь спал на дереве. Потом всё же собрал палатку прям в прицепе, я специально её обычную переделал так, чтобы можно было поставить её на борта прицепа. А раз сюда доехать смог, то и до побережья доберусь.

– Буду очень этому рад.

Голицын посмотрел на успокоившуюся воду:

– А я никуда не хочу, мне здесь нравится. Тут наш дом и я хочу начать строить новую страну отсюда, с этого места.

– Вы амбициозный человек, с огромным опытом, вам всё удастся. А я зря полез в политику. Не моё это.

– Ну что было, то не исправишь. Тем более мы оба хотели для страны лучшего, но не всё в наших силах.

– Я часто думаю, что можно было сделать ещё... – Скромнов вздохнул и сел на пристань, опустив ноги в воду.

– Я до сих пор думаю. – Голицын сел рядом, тоже опустив ноги в воду, лёг на пристань. – И каждый раз прокручиваю всё в голове, ищу какие-то выходы, анализирую всё, ищу ошибки. Но так и не понял, что можно было ещё сделать.

– Да, вот уж судьба у мира. А ведь могло же всего этого и не произойти, если бы не мутировал вирус.

– Мне кажется, что такого варианта у жизни не было. Мы настолько расточительно стали относиться к планете, так испортили экологию, что она и взбунтовалась, показав нам на-

ше место.

– Может вы и правы, Михаил Владимирович, технический прогресс пошёл в разрез с эволюцией и законами природы. Пока я жил в Москве, я смотрел на мир вокруг меня и видел, как всё погибает, как угасает жизнь, откатывается назад всё сильнее и сильнее. И это так меня давило. А потом, когда я уехал и стал смотреть на тот мир, который окружает меня, то как-то успокоился. Я ехал по автостраде один, рядом никого, а ведь раньше там стояли дикие пробки, машины были на каждом квадратном метре, всюду гул, выхлопы, злость и ругань. А потом, уже ночью, я посмотрел на небо. И знаете, что я там увидел? Звёзды. Да, как это не смешно, но я видел звёзды. Вы в Москве, когда звёзды последний раз видели. Вот и я не смог вспомнить. А теперь я смотрю на небо и вижу, как они сияют, и передо мной только небо, ни клубящейся пыли, ни света реклам. И вот я смотрю на них так, как когда-то смотрели на них мои предки. Они дарят мне какую-то загадку, которую не суждено разгадать, и я очень этому рад. Я не хочу знать про тёмную материю и какие-то особенности строения звёзд, про сухие цифры астрологов. Для меня они останутся окутанные тайной, этой далёкой и заманчивой мистикой. И когда я буду смотреть в это бархатное небо, то буду думать о том, что где-то там далеко кто-то тоже смотрит на нас. Наверное, это та загадка, которая не требует разгадки. Что нам даст то, что мы узнаем, что не одни во вселенной? Да ничего. Притащим на Землю какие-то

новые технологии и будем соревноваться какая страна круче. А так – это наше звёздное небо, и моё, и ваше, и американцев, и европейцев, и австралийцев. Всех. Мы слишком много думали о гонки экономик, вооружений, а забыли самое главное – мы люди, и у нас есть ценности, гораздо более важные, чем деньги, власть, ресурсы. И Бог нам указал на это. Да, жестокий урок, но видимо так нужно было. Я никогда не был верующим человеком, но сейчас я верю, что Он есть и если уж оставил нас жить, то не просто, значит нам предстоит переосмыслить всё, что мы натворили и начать новую цивилизацию, уже учитывая наши ошибки.

– Думаешь через пару поколений наши потомки будут думать так же? Я думаю, что всё равно человечество пойдёт по пути технического прогресса.

– Да пусть идёт, но не устраивает гонку, и при техническом прогрессе не забывает, что всё это второстепенно, в отличии от жизни. И наша задача – это втолковать в голову своих детей и внуков так, чтобы они это приняли за истину и в дальнейшем своим детям и внукам втолковывали это. Как с религией. Ведь мы не знаем был ли Иисус, Аллах, Будда или кто-то ещё, но мы впитываем эту культуру с молоком матери, мы не задаёмся вопросом, а почему именно так. Мы верим, что нужно так. Нужно читать молитву, соблюдать пост, заповеди. Это для нас так же естественно, как и для тех, кто жил до нас. Вот и с этой идеей нужно так же. Не возводить её в ранг религиозной идеи, а оставить как рациональное зерно

развития цивилизации.

Голицын смотрел в небо. Августовской фиолетово-чёрное бархатное полотно, усеянное маленькими светящимися точками; глубокое и одновременно близкое, родное и совсем неизвестное, исследованное, но так и не давшее ни одной отгадки. Небо, которое он видел в детстве, лёжа на траве, вдыхая аромат луговых цветов, оно и сейчас было таким же. И звёзды все были на местах, и сияли так же ярко, и так же собирались в созвездия. И они были до него, и останутся после. И им суждено увидеть, как встаёт в полный рост поверженное человечество.

– Ты был бы хорошим проповедником, Игорь, или политиком, ты можешь своими словами зажечь в сердце огонь. Я понимаю почему люди шли за тобой.

– Они шли не за мной, они боялись и не видели будущего. Их гнал вперёд страх. А я просто оказался в нужном месте в нужное время. Не я, так был бы кто-то другой. А что до проповедника... Да мне и не важно, как будут воспринимать мою философию. Главное, чтобы следовали ей и не наделали таких ошибок как мы.

– Дай Бог.

– Нужно только, чтобы наша история не затерялась во времени. – Скромнов немного задумался, потом аж подскокил. – Михаил Владимирович, напишите книгу.

– Какую книгу? – Голицын тоже приподнялся на локтях.

– Про всё, что произошло. Про страну, про чуму, про

жизнь после эпидемии, про то, что осознали. Кто, если не вы сможете объективно описать всё так, чтобы потомкам было понятно почему всё случилось так. Слова забудутся, поменяются, изменится смысл, а написанное будет хранить то, что забудет память. Я с собой везу несколько пачек бумаги и карандаши. Я оставлю вам половину. Напишите вы и напишу я. И пусть они будут разными, главное, что смысл мы донесём.

– Я никогда не задумывался писать мемуары, но твоя идея мне нравится. Не обещаю, что завтра начну, но в долгие осенние вечера обязательно этим займусь.

– Вот и отлично. – Скромнов опять лёг на пристань и стал смотреть в небо.

Голицын тоже лёг. Теплая воды приятно расслабляла ноги, плеск волн и лёгкий ветерок убаюкивали. Он лежал и думал о том, что Скромнов говорил правильные вещи, вроде бы очевидные, но ранее не сформулированные, идеи его не лишены смысла.

Скромнов уехал на следующий день. Как и обещал отдал половину бумаги и карандашей Голицыну, поделился семенами, которых не было в поселении, а ещё отдал единственную сохранившуюся пачку кофе Голицыну, которую специально вёз из Москвы. Ему же жители собрали с собой продуктов, одежду, семян и саженцев, снабдили самодельным арбалетом. Проводив его до самой дороги, Голицын с сыном ещё долго стояли и смотрели ему в след, пока он не скрылся

из виду.

– Пап, а почему он не захотел остаться с нами?

– У него другие цели, Степаня, да оно и к лучшему. Он своей энергией сплотит вокруг себя людей где-то там на черноморском побережье, создаст новое поселение, из которого вырастет новый город.

– Мы тоже создадим свой город?

– Мы уже начали, сынок. Заложили фундамент города.

– А как мы его назовём?

– Я даже не думал об этом. – Голицын пнул ногой камень. – Время покажет, люди сами придумают ему название.

– Пап, как думаешь, много таких как мы по стране?

– Я думаю, что много. Слышал же, что Игорь говорил? Люди уходят с мегаполисов, чтобы выжить в деревнях.

– Может нам зимой поискать новые поселения?

– Может и стоит. Не всё же время нам тут куковать. Ладно, пошли домой. Разговорами сыт не будешь, у нас время заготовки впереди.

17. Эпилог.

«Как и обещал Игорю Скромнову в свободное время пишу о том, как мы пережили глобальную эпидемию под названием чума. Не знаю, как оценят потомки, наши попытки спасения, но по прошествии времени я пришёл к выводу, что то, что я делал, находясь на посту президента России, было правильным и рациональным. Судить сейчас об этом,

со стороны, конечно, легко, когда знаешь уже всю хронологию событий, когда не зависит уже ничего от твоего мнения. Те, кто потерял родственников по эту и ту сторону границы, возможно, возненавидели меня, те же кто остался жить, возможно, благодарны мне. Сам же я считаю, что своими действиями спас часть страны. Сейчас трудно судить что послужило началом эпидемии, а обвинять кого-то считаю бессмысленным. Важно то, что мы вынесли урок из всего этого. Как правильно сказал Игорь Скромнов: «Технический прогресс пошёл в разрез с эволюцией и законами природы». И это главная проблема нашего времени, того времени, когда материальные ценности затмили собой всё. Сейчас я склонен думать, что мутация палочки чумы – это наша заслуга. Ведь она была и столетия назад, и тогда смертей было не мало, но человечество победило её. А сейчас наша экология дала толчок для изменения и это изменение откинуло наш мир на несколько веков назад.

Мы, те кто пережили это, можем сравнить тот мир и этот, сравнить ценности и приоритеты. Нам проще понять, что всё то, что было объектом достижения в том мире, в этом выглядит всего лишь иллюзией. Здесь ценятся умения людей, коллектив, стремление и желание жить. И в этом главное отличие нас изменившихся. Сможете ли вы, потомки, понять это, я не знаю, но очень надеюсь, что вы учтёте наши ошибки и ваш прогресс пойдёт параллельно с развитием планеты. Для этого отдали свои силы многие достойные люди, на-

роды, страны, которым мы будем благодарны до конца своих дней. Как будем благодарны моему советнику и помощнику Валентину Молотову, старшему группы «Первой волны» полковнику Лазареву, министру обороны Георгию Сергееву, председателю Совета Игорю Скромнову, всему Совету и правительству России.

Их поступки, советы, жизнь и смерть помогли выжить тем, кто сейчас вдыхает воздух, чистый без смога и выхлопных газов, без выбросов и радиации; тем, кто будет строить новые города, новую страну, новую цивилизацию.

Последний президент России

М.В. Голицын».